

СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ
ЗАЩИТЫ МИРА

ВЕК XX И МИР

EL SIGLO XX Y LA PAZ

DAS 20. JAHRHUNDERT UND DER FRIEDEN

В НОМЕРЕ:

ВСЕ ЗА ПЕРЕСТРОЙКУ — НО КАКУЮ?

Неожиданные результаты одного
социологического исследования

«ЦАРСТВО, КОТОРОЕ ВНУТРИ НАС»

Эссе, навеянное вопросом матери

ОБЫСКИ СТРОГО ПО ЗАКОНУ

Стенограмма брифинга в ленинградской
прокуратуре

ISSN 0320 8001

3/89

В НОМЕРЕ:

Почта

«Уважаемая редакция...»

2

Перестройка: уроки демократии

Л. БЫЗОВ, Н. ЛЬВОВ. **ПЕРЕСТРОЙКА: ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

10

Эссе

Г. ПОМЕРАНЦ. **МАМИН ВОПРОС**

19

Проблемы и суждения

Е. БУДИНАС. **ТЕРНИИ ПРАВДЫ**

26

Наш репортаж

А. ЦЕХАНОВИЧ. **БУКВА ЗАКОНА И ПОСТУПЬ ЖИЗНИ**

32

Мы: страна в движении

В. МИКУШЕВИЧ. **БАЛТИЙСКИЕ ВЕЯНЯ**

38

Актуальная тема

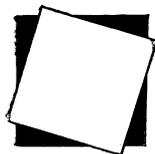
А. БОРИСОВ. **ЗЛО**

44

НА НАШИХ ОБЛОЖКАХ:

Слева: нам бы хотелось, чтобы счастливая улыбка осветила лицо каждой нашей соотечественницы в чудный весенний праздник — Международный женский день... А на нашем снимке — «международная» свадьба. Французский космонавт Мишель Тонини и наша девушка Лена. Фото Виталия Арманда.

На третьей странице обложки — самодеятельный плакат-листовка массового экологического движения московского микрорайона Братеево.

„Уважаемая редакция...“

Постоянных читателей «Века» в этом году заметно прибавилось — число подписавшихся на русскоязычное издание возросло почти вдвое. И что характерно: судя по многим высказываниям, одним из привлекательных разделов нашего издания является именно эта рубрика, дающая возможность ознакомиться с интересными, иной раз парадоксальными, точками зрения на события в стране и в мире, самому вступить в спор, если есть что сказать по делу. Редакция рассчитывает, что и впредь каждый выпуск будут открывать честные, острые, глубокие откровения читателей.

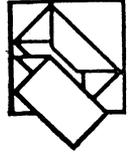
Порочный рецидив

С тревогой мы узнали, что 14 декабря 1988 года на квартирах пяти ленинградцев—Р. Евдокимова, Е. Подольцевой, Ю. Рыбакова, А. Скобова и В. Терехова — состоялись обыски. Поводом для обысков было «расследование по факту распространения в Ленинграде клеветнических материалов, порочащих советский государственный и общественный строй». То есть фигурировала диспозиция печально известной 70-й статьи УК. В последнее время статья эта не применялась, она естественным образом отомрет при составлении нового Уголовного кодекса.

Весь опыт применения этой статьи показывает, что людьми, подлинно порочившими советский государственный и общественный строй, были те следователи, прокуроры, судьи, которые возбуждали и проводили политические процессы,—как явные, так и замаскированные под «чисто уголовные». Не книги А. Синаевского и Ю. Даниэля нанесли вред нашей стране, а процесс над авторами. И громадный вред — как моральный, так даже и материальный. А. Сахаров

и А. Солженицын, которых преследовали подобными же формулировками, хотя и не решались довести дело до суда, признаны теперь совестью нашего народа. Обмен В. Буковского на Л. Корвалана поставил Брежнева на одну доску с Пиночетом. Смерть Ю. Галанскова и А. Марченко в тюремных лазаретах — несмыслаемое пятно на репутации нашей страны. Абсурдна сама мысль, что объектом клеветы может быть «строй». Государственный строй, социальная система — это предметы обсуждений, идеологических споров. Попытки же регулировать идеологическую борьбу статьями Уголовного кодекса абсолютно безнадежны — это подтверждает мировая и отечественная история.

Все цивилизованные страны преследуют за клевету на отдельных лиц или конкретные организации. И виновные в клевете должны безусловно нести ответственность — в том числе и пятеро наших граждан, если они виноваты в такой клевете; для этого в нашем Кодексе есть соответствующие статьи — не 70-я. Мы

не знакомы с этими людьми, не знаем, какие именно материалы искали у них — и что нашли. Но попадавшие нам в руки документы Демократического Союза, к которому принадлежат некоторые из упомянутых лиц, убеждают, что речь идет именно об идеологической борьбе. Уголовное же преследование идеологических противников создает мучеников идеи, что многократно усиливает воздействие их проповеди. Недаром же так хотел «пострадать» Лев Толстой — и не даром же умные царские власти не допустили его до «страдания». Хотят или не хотят те, кто санкционирует подобные обыски, но объективно они служат пропаганде идей ДС, окружая носителей этих идей ореолом мученичества. Точно так же, как обвинители и судьи по делу А. Синявского и Ю. Даниэля стали лучшими рекламными агентами их книг.

О нашем строе написано уже все, что возможно, и Р. Евдокимов со своими подельщиками не могут придумать ничего нового. Единственная

антисоветская акция, которая возможна в наше время — это процесс по 70-й статье. Такой процесс покажет, что строй наш не изменился, что по-прежнему он может противопоставить идеям лишь грубую силу — а это-то и является клеветой, ибо на самом деле мы уже доросли до идеологических дискуссий.

Мы патриоты, нам дорога репутация нашей страны. Мы не можем допустить, чтобы репутация эта находилась в руках людей, втайне принимающих решения, неизvestных поименно и поэтому не несущих никакой гражданской ответственности за свои действия. Это должно получить полную огласку!

**М. ЧУЛАКИ, А. КРЕСТИНСКИЙ,
Е. АНИСИМОВ, М. ГЛИНКА,
Н. КАТЕРЛИ, В. КОВТОРИН,
В. ПОПОВ, Ю. РЫТХЭУ,
Д. ГРАНИН, К. КУРБАТОВ,
В. ШЕФНЕР, А. УРБАН,
М. БОРИСОВА, Б. СТРУГАЦКИЙ,
В. ВОСКОБОЙНИКОВ,
г. Ленинград.**

(Читайте репортаж из прокуратуры Ленинграда на стр. 32).

Утопия?

В последнее время печать все чаще поднимает вопрос о контроле над органами госбезопасности. Вопрос из наимажнейших. Но те меры общественного контроля, которые предлагаются, — от серии репортажей из коридоров серых зданий до создания соответствующих комиссий в Советах — решить проблему не могут. (Доказывает это международный опыт.) Не могут, поскольку в работе организаций, занятых разведкой и контрразведкой, всегда преобладает секретность, постольку и контрразведывательная деятельность при изменении общественной ситуации, смене политических лидеров или да-

же смене расстановки сил в руководстве страны легко переходит в политический и идеологический сыск. Ситуация кажется тупиковой — слишком уж она плоть от плоти XX века, слишком прочно связана с мировым «статус кво». А что если не забывая о конкретных шагах по установлению контроля над органами КГБ (кстати, необходимый шаг — передача следственных функций прокуратуре), уже сегодня ставить вопрос о международном, всеобщем и полном запрете на проведение разведывательной (следовательно, и контрразведывательной) деятельности!

Утопия? Да. Но разве не были утопией предложения о всеобщем ядерном разоружении? Разве не «утопия» — Делийская декларация? Мне, как дилетанту, кажется, что меры международного контроля над выполнением такого соглашения

технически даже более реальны, чем контроль со стороны всякого рода парламентских комитетов и депутатских комиссий. Пусть обсуждают такую перспективу специалисты.

Михаил РОЖАНСКИЙ,
г. Иркутск.

Интеллект в осаде

Синдром «оборонного сознания», о котором писал в вашем журнале А. Фадин («Проклятье силы», № 10/88), угрожающе развился и продолжает существовать в нашем обществе. Показателем истинности этого тезиса являются упорно звучащие в различных аудиториях (при чтении лекций от общества «Знание») вопросы типа: «Когда мы, наконец, наведем порядок в Афганистане?» или «Когда приструним Израиль?». Такое вот «имперское» мировосприятие, простодушная уверенность в праве силового навязывания одним странам и народам своих идеалов, приструнивания других (чтобы не забывались)—словом, этакий вселенский домострой... Так что плоды существования самоизолирующегося общества налицо. И если бы только такие!

По оценкам, опубликованным профессором Розенталем, за двадцать предвоенных лет советскими физиками было сделано примерно десяток работ высочайшего, мирового класса. Сорок же послевоенных лет дали не более пяти подобных достижений. Налицо явный регресс — тем более значительный, если учитывать численный рост научных работников.

Необходимейшим условием успешной работы в науке является самостоятельная, независимая и критическая система мышления. Теперь давайте представим себе советского физика, в полной мере наделенного всеми этими качествами. Что должен был делать он при перехо-

де от научной деятельности к обычной жизни — к царству абсурда и жестокого искажения реальности? Повседневная действительность настигала его то очередной кампанией разоблачения «идеалистов», то перекрыванием каналов международного обмена научной информацией, то шизофренической борьбой с «канкотно-нечистыми» (как будто сотня обладателей безупречных анкет способна заменить хотя бы один талант!). Ситуация интеллектуального застенка, вместе с порочной системой приоритетов (когда основные капиталовложения и большая часть оборудования направлялись на исследования и разработки по засекреченным военным программам) и породила регресс в физике.

Это положение становится тем более опасным, чем быстрее раскручивается спираль развития НТР: очень скоро отставание в науке и технологии станет необратимым, закончив с «великодержавными» иллюзиями путем превращения СССР в одну из стран третьего мира, полностью зависимую от развитых государств...

В связи с такой мрачной перспективой встает вопрос — можно ли уповать на крушение «мифологизированного» государственного мышления и создание в стране свободного мыслящего общества? Пока лично у меня подобных надежд не много. Когда я читаю о борьбе студентов Иркутского университета или у нас, в Свердловске, за реорганизацию (а в перспективе отмену)

обучения на военных кафедрах (милитаризм, военизация — это ведь один из «столпов» имперского сознания), хочется верить, что нынешние двадцатилетние снимут, наконец, «осаду крепости» и двинутся по пу-

ти нормального человеческого сосуществования.

РОЗЕНБЕРГ Е. А.,
кандидат физико-математических наук,
г. Свердловск.

Посоветоваться с народом

Полностью согласен и поддерживаю статью «Военный против «военщины» и ее отважного автора, которому, по-видимому, нечего терять, кроме цепей «военщины», но в отличие от оной он любит службу и готов в открытую бороться с существующим положением вещей, сложившимся в наших Вооруженных Силах.

Ваш «круглый стол» (№ 9/88 «Армия и общество») — показатель умения вести дискуссию по насущным проблемам в отличие от «круглого стола» ТВ «Армия и перестройка» под редакцией Г. Седова, где мы услышали опять браваурный марш и крики «ура». Ваши публикации наводят на мысль, что вы, действительно, хотите помочь Вооруженным Силам. Поэтому обращаюсь с просьбой. Считаю, что необходимо обратиться к партии и правительству с предложением: нельзя сейчас, в период разгара перестройки в стране и непрекращающегося застоя в ар-

мии, принимать какие-либо решения и документы, регламентирующие жизнь и деятельность Вооруженных Сил, без обсуждения их в самих Вооруженных Силах, без совета с народом. Так предполагается, что на Съезде народных депутатов будут рассматриваться: «Закон о всеобщей воинской обязанности», «Положение о прохождении военной службы офицерским составом ВС СССР», «Уставы».

Ни один этот документ не обсуждался в офицерской среде, ни в одном из органов печати не публиковались положения этих документов, ни один человек в Советском Союзе не высказал своего мнения по ним.

Вопрос о службе в армии никого не может оставить равнодушным. Поэтому участие народа в обсуждении документов необходимо.

С. МЕЛИКОВ,
полковник медицинской службы,
г. Северодвинск.

Шлагбаумы в доме?

Написать это письмо побудила публикация заметок Г. Гусейнова по национальному вопросу в восьмом номере вашего бюллетеня, в которых дана редкая попытка подойти к национальным отношениям у нас без сусальностей. Я не согласен лишь с

заключительным выводом автора о том, что «первыми шагами в национальном вопросе должны быть не административные меры, а массовая кампания...» С кампаниями-то у нас все в порядке, а вот с практическими решениями — нет.

Многие публицисты видят причины национальных проблем в нерешенности социальных вопросов. Да, это так. Но это лишь катализатор более глубинного противоречия, которое проявилось бы в любом случае, хотя и не в столь резких формах, как сегодня. Это противоречие между растущей интернационализацией экономической, социальной жизни и жестким национально-административным делением СССР. Оно сыграло свою положительную роль в прошлом, но ныне и чем дальше, тем больше, превращается в тормоз нормальному разрыванию интернациональных процессов.

Жесткие национально-административные границы явились спасением для тех, кто думал не о формировании межнациональной культуры и межнациональных сообществ, а о сохранении «чистой нации». Расцвет наций предполагает ее сближение с другими. Так гласит диалектическая формула национальных отношений. Но существование границ позволяет как бы отделять первое от второго. Так возникает почва для «законного национализма». Раз республиканские границы отделяют «нас» от «них», то пусть «они» живут у себя, в своих границах.

Интернационализация ведет к тому, что национальные культуры сформировавшиеся как преимущественно «деревенский тип», а таких в СССР большинство, все более приобретают черты фольклора. Во всем мире идет складывание ярко выраженной межнациональной культурной общности на основе индустриально-городского типа социальной жизни. Но это не растворение малых культур в одной большой, чего так боятся некоторые представители нашей интеллигенции. История уже знает сочетания ряда национальных культур в рамках одной глобальной общности с сохранением этнической жизнеспособности народа. Это христианская, исламская, буддийская межнациональные культуры, культура античности, и в частности это русская культура, сложившаяся на

базе древнеславянской и византийской культур, с такими «чужеродными» заимствованиями, как иконопись, каменная архитектура (церкви), алфавит, имена собственные и т. д. Петр I ввел русскую культуру в западноевропейскую межнациональную культурную систему, когда убедился, что «византийская модель» безнадежно одряхлела.

Сегодня идут процессы сходного порядка. Они неостановимы, но противодействие им могут вызвать кризисные явления. И наше административное деление служит им «законной» опорой. Возникает почва для борьбы за «свою» республику (край, округ) против тех, кто заселяет «их» территорию. Ведь формирование межнационального культурного комплекса идет вместе с интенсивными миграционными процессами. В результате, уже сейчас от некоторых республик остаются только «вывески». Например, в Башкирской АССР башкиры составляют только 25% населения, удмуртов в Удмуртской АССР — 32%, якутов в Якутской АССР — 37%, карелов в Карельской АССР — 11% и т. д. С одной стороны, это остро ставит вопрос о правах некоренной, а вернее «нереспубликанской» национальности, ибо большинство таких людей укоренилось на второй родине. А с другой, уменьшение удельного веса коренной национальности происходит и за счет миграции за пределы своей республики. И в тех местностях, где они компактно осели, встает проблема реализации их права на автономию в развитии культуры, языка, представительства в местных органах власти. Реализация этих прав (например, татар в Башкирии тоже 25%) связана не с административными границами и существованием национального аппарата власти, а с культурным и социальным творчеством данного народа. Евреи и цыгане живут не в границах автономно-административных образований, что не мешает им сохранять свое национальное лицо. В то же время есть этнические

группы, имеющие государственную автономию, но практически культурно ассимилировавшиеся (карелы).

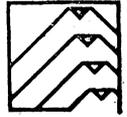
Следует учесть и то обстоятельство, что хозрасчет усилит миграционные процессы. Это усилит интернационализацию республик, еще больше выявит относительный характер административных границ. Ориентированные на компактность национального состава, эти границы будут сдерживать миграционные процессы. Уже сейчас в Латвии и Эстонии раздаются призывы поставить заслон мигрантам. Увы, это не первый случай. Были события в г. Орджоникидзе и случаи «размена» населения приграничных сел между Грузией и Азербайджанской ССР.

Что можно противопоставить тенденции национальной, культурной и хозяйственной автаркии? Вспомним, как решался вопрос об административно-национальном обустройстве при В. И. Ленине. Об этом, кстати, напоминает Г. Гусейнов. Речь шла о создании федерации народов, наряду с федерацией государств. Была Закавказская федерация, и не было между тремя нациями жестких административных перегородок. Еще бы, ведь в Тифлисе в 1921 году лишь четверть жителей составляли грузины! Люди жили не по республикам, они жили в одном регионе! Была Горская республика, где народы Северного Кавказа, имевшие общую историю, традиции, уклад жизни, имели один высший административный орган. Была Туркменская республика,—фактически, та же федерация народов. Дробление страны на мононациональные небольшие административные единицы не способствовало на деле ни интернационализации, ни развитию местных культур, которые ныне могут двигаться вперед не столько на

основе фольклора, сколько путем активного взаимодействия с другими культурами. Право нации на самоопределение у нас стало трактоваться исключительно как право каждой народности на создание своей отдельной административной единицы. На деле, думается, право это заключается не в создании своей национальной бюрократии, но в свободе культурного и общественного творчества. А свободу творить свою культуру каждый народ, каждое сообщество должны иметь возможность в любой точке СССР.

Потребности сегодняшнего, а тем более завтрашнего дня, по моему мнению, требуют начать переход от административно-национальной чересполосицы, которая вызывает конфликты наподобие карабахского, к федеративным межнациональным образованиям, открывающим истинно дорогу интернациональным интеграционным тенденциям. Я предлагаю обсудить вопрос о восстановлении Закавказской федерации, Горской республики, федерации среднеазиатских республик. А также создать федерацию прибалтийских республик и волжских автономных республик (Чувашии, Удмуртии, Татарии, Марийской АССР). Стержнем таких федераций были бы следующие принципы: региональное сходство исторических судеб и возможность формирования региональных экономик на полном хозрасчете. Это обеспечило бы переход на следующий этап национальных отношений, от федерации административных единиц — к федерации народов и предотвратило бы эскалацию республиканского национализма и эгоизма.

Б. ШАПТАЛОВ,
преподаватель горно-
металлургического института,
г. Магнитогорск.

ВЫХОДИМ В МОРЕ

На общем собрании комиссии «Мир океанам», созданной при Советском комитете защиты мира еще в апреле 1988 года, было выдвинуто предложение о постройке корабля «Мир». Такой корабль под голубым флагом ООН с представителями народной дипломатии разных стран на борту смог бы посещать крупные порты стран Средиземноморья, Северной Атлантики, США, Канады, Австралии и Океании.

На корабле можно было бы проводить международные встречи, конференции, симпозиумы, обсуждать проблемы использования мирового океана в мирных целях, укрепления стабильности на морях и океанах, широкой поддержки Конвенции ООН по морскому праву 1982 года.

В августе 1988 года экипаж дальневосточного теплохода «Михаил Шолохов» выступил с предложением создать фонд общественной инициативы по сбору средств на строительство кораб-

ля «Мир». В Жилсоцбанке СССР открыт лицевой счет № 700357 для добровольных общественных взносов от граждан, государственных и общественных организаций и учреждений. Инициатива о постройке корабля «Мир» поддержана Советским комитетом защиты мира, Русской православной церковью, а также Советским фондом мира.

Эту идею одобрили участники ежегодной конференции стран Северо-Атлантической сети, а также советско-английского и советско-американского симпозиумов по правовым проблемам мирового океана.

Наша комиссия приглашает принять участие в строительстве корабля «Мир» не только советские, но и зарубежные организации и граждан.

**Петр БАРАБОЛЯ, генерал-майор
юстиции в отставке,
заместитель председателя комиссии
при СКЗМ «Мир океанам».**

С ЖЕЛАНИЕМ СОТРУДНИЧАТЬ

Советский комитет защиты мира вступил в качестве ассоциированного члена во Всемирную Ассоциацию за всемирную федерацию (ВАВФ).

ВАВФ и СКЗМ осуществляют тесное сотрудничество на протяжении многих лет. Так, в последние годы представители ВАВФ участвовали в проводимых СКЗМ Информационных встречах-диалогах представителей антивоенных организаций и движений Востока и Запада. В своих отношениях с пацифистскими организациями, включая федералистские, СКЗМ исходит из принципиального желания сотрудничать в целях мира, разоружения, решения гуманитарных проблем и выживания человечества с самыми различными по своей политической ориентации организациями и движениями сторонников мира на основе демократического диало-

га и открытого сопоставления мнений.

ВАВФ — это пацифистская организация, выступающая за создание всемирного правительства как «гарантии и основы для сохранения мира». Создана в 1947 году. До 1986 года называлась Всемирной ассоциацией федералистов мира.

Штаб-квартира ВАВФ находится в Амстердаме. Президент — Ф. Лэдди (Канада); председатель совета — Д. Грант (США); почетный президент — Х. Ланнунг (Дания).

В Ассоциацию входят 45 организаций из 40 стран. Общее число членов — 40 тысяч человек.

Теперь, когда наш Комитет стал ассоциированным членом ВАВФ, сотрудничество между обеими организациями, несомненно станет еще плодотворнее.

Ю. ЛЕГИН

Перестройка: политическое сознание и социальные отношения

Леонтий БЫЗОВ,
Николай ЛЬВОВ

Начавшись несколько лет назад, перестройка стала главным событием переживаемой эпохи и, естественно, темой бесчисленных теоретических и публицистических статей, социологических зондажей, разного рода «круглых столов» и телевыступлений. Пожалуй, самым модным в анкетах стал вопрос: «Ваше отношение к перестройке?» Многократно обыгрываемый, он дал обильную, хотя и подчас противоречивую, информацию.

Социологи отмечали поддержку перестройки со стороны значительного большинства населения; ее более медленный ход на локальном уровне, чем на глобальном; некоторый рост недоверия к перспективе ее успешного завершения; раздражение медленным ее развитием со стороны некоторых социальных групп. Общественное осознание перестройки за эти годы претерпело определенные трансформации: первый этап — недоверие к глубине и устойчи-

вости перемен (примерно до конца января 1987 года); второй — обретение уверенности так называемыми «сторонниками перестройки», конфронтация общества в отношении к происходящим событиям, поиск прессой «открытых и явных врагов перестройки» (примерно до партконференции летом 1988 года); и наконец, третий, наступивший после партконференции, — осознание невозможности возвращения к прошлому и, с другой стороны, нарастающее стремление более глубоко понять то, что еще полгода назад казалось очевидным: «А что же все-таки такое — перестройка?», возникновение явного идейного размежевания в стане «сторонников».

Настоящая статья подготовлена на материале опроса 1231 жителя Москвы, (640 — случайная телефонная выборка, остальные — анкетирование), проведенного* в ноябре-декабре 1988 года с целью проанализировать особенности политического сознания в условиях «продвинутой» перестройки и связать их с некоторыми глубинными социальными характеристиками населения.

БЫЗОВ Леонтий Георгиевич, кандидат экономических наук, и. о. директора Научно-исследовательского центра Советской социологической ассоциации АН СССР.

ЛЬВОВ Николай Витальевич, младший научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения АН СССР и Госкомтруда СССР.

** Исследование проводилось Научно-исследовательским центром Советской социологической ассоциации АН СССР. В опросах и обработке материала на ЭВМ участвовали сотрудники ЦЭМИ АН СССР и ИСЭПН АН СССР и Госкомтруда СССР.*

Таблица 1.

Типы политического сознания	Доля опрошенных, согласных с данной позицией, %	Среди них с высшим образованием, %
1. Наша страна должна стать цивилизованным государством, таким же как экономически развитые страны мира» («Прагматики-западники»)	14	77
2. «Главное — это торжество принципов социальной справедливости, защита интересов простых трудящихся» («Обновленцы, то есть сторонники «обновления идеалов справедливости»)	41	33
3. «Главное — это поддержание и укрепление индустриальной и оборонной мощи страны, создание общества, в котором не было бы места демагогам, взяточникам и прочим антиобщественным элементам» («Государственники»)	28	37
4. «Главное — это защита природы от разрушительных последствий человеческой деятельности, достижение всеобщего мира и разоружения» («Зеленые»)	12	73
5. «Главное — это наличие в магазинах дешевых и качественных товаров» («Обыватели»)	56	19
6. «Главное — это возрождение русского национального достоинства и культуры, таких ценностей, как патриотизм, мораль, семья» («Патриоты»)	11	39

Таблица 2.

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ ТИПАМИ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ
(коэффициенты корреляции)

№ типов	№ типов					
	1	2	3	4	5	6
1	×	0,47	0,11	0,74	0,41	0,10
2		×	0,56	0,61	0,77	0,44
3			×	0,39	0,52	0,79
4				×	0,57	0,62
5					×	0,47
6						×

коэффициенты корреляции между типами по их распределению на другие индикаторы, зафиксированные в анкете.

Из таблицы 2 легко видеть, что наши шесть типов как бы группируются в три пары: похожих мнений придерживаются «прагматики» и «зеленые»; «обновленцы» и «обыватели»; «государственники» и «патриоты».

Таблица 2 в значительной степени подтверждает выдвинутую нами еще до начала обследования гипотезу, согласно которой в настоящее время имеется пять концепций перестройки. Они в целом соответствуют типам политического сознания (кроме типа № 5, за которым вряд ли стоит последовательная концепция).

3. «КТО ТОРМОЗИТ ПЕРЕСТРОЙКУ?»

В соответствии с высказанными политическими симпатиями и ориентациями, группы, определившиеся в выделенные нами типы, по-разному видят и врагов перестройки. На вопрос анкеты: «Какие общественные силы являются главным тормозом на пути прогрессивного развития нашей страны?» — были даны следующие ответы. (Таблица 3).

Таблица 3.

Тормозящие силы	Доля ответивших положительно %	Распределение по типам					
		1	2	3	4	5	6
1. Часть руководителей и чиновников, которые разложились идейно и морально	38	—	+	+	—	+	—
2. Советская административно-партийная система в целом	21	+	—	—	+	—	=
3. Люди, которые под видом перестройки пытаются навязать нам ложные ценности, создать атмосферу хаоса и вседозволенности	14	—	=	+	—	+	—
4. Антинациональные силы, вдохновляемые из зарубежных центров	4	—	—	—	—	—	+
5. Затрудняюсь ответить	23						

В этих результатах достаточно отчетливо видна разница между «прагматиками» и «обновленцами». «Прагматики» отрицают советскую административно-партийную систему в целом (так же как и «зеленые»), в то время, как «обновленцы» видят зло не столько в системе, сколько в конкретных личностях. Ответ № 4, являющийся тестом на «патриотов», сформулирован в значительно более резкой форме, чем пункт 6 в таблице № 1. Соответственно, более чем вдвое меньше ответили утвердительно. Интересно также, что среди респондентов, выбравших второе закрытие, особенно велика доля членов КПСС (19 процентов).

4. НАШИ КУМИРЫ

Опрошенным было предложено оценить по 5-балльной шкале (5 — высший балл) деятельность четырнадцати политических деятелей XX века.

Наблюдается весьма значительная дифференциация оценок по группам.

Знаком «+» отмечены те типы, в которых данную тормозящую силу отмечают существенно чаще, чем в среднем; «—» — реже; «=» — примерно в среднем

Таблица 4.

Фамилия деятеля	Средняя оценка						Общая доля не ответивших, %
	по типам		политического сознания				
	1	2	3	4	5	6	
1. Николай II	3,0	2,1	1,9	3,1	2,3	3,4	46
2. Ленин В. И.	4,4	5,0	5,0	4,8	5,0	4,4	9
3. Сталин И. В.	1,8	2,2	4,5	1,9	3,8	4,4	12
4. Хрущев Н. С.	4,0	3,7	2,0	3,8	2,3	2,2	17
5. Брежнев Л. И.	1,9	1,6	1,9	1,4	2,0	1,3	3
6. Андропов Ю. В.	3,9	4,4	4,5	4,1	4,8	4,3	12
7. Горбачев М. С.	4,8	4,9	4,4	4,6	4,7	4,7	21
8. Ельцин Б. Н.	3,5	4,9	4,4	4,4	4,8	4,7	26
9. Лигачев Е. К.	2,7	3,8	4,0	4,2	3,9	4,6	39
10. Яковлев А. Н.	4,8	4,4	3,2	4,3	4,0	2,9	60
11. Фидель Кастро	2,8	4,7	4,5	3,8	4,7	4,0	17
12. Р. Рейган	4,6	3,2	2,8	3,4	3,1	2,9	7
13. Дэн Сяопин	4,7	4,0	4,2	4,1	3,4	3,6	41
14. Сахаров А. Д.	4,8	4,0	2,9	4,8	3,8	2,5	46

Интересно при этом, что в некоторых случаях в оценках «солидаризируются» одни группы, в других — другие (например, «обновленцы» ближе всего по оценкам к «обывателям», но в некоторых случаях к «государственникам» и к «западникам»). Возникают довольно странные сочетания: например, на положительной оценке деятельности Ельцина сошлись все группы, кроме «западников». Относительно высокие баллы поставили Николаю II, казалось бы, противоположные группы: «западники» и «патриоты». Наиболее низкие оценки в среднем получили Л. И. Брежнев, Николай II, И. В. Сталин и Н. С. Хрущев.

5. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕФОРМЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ...

На практике перестройка — это серия реформ экономического и политического содержания. В оценке перспектив этих реформ в значительной степени проявляются особенности политического сознания. В нашем обследовании мы попытались выяснить отношение к реформам и в итоге построить

для каждого типа индекс консервативности или, наоборот, индекс радикализма.

А. Отношение к реформе Советов. Предлагалось ответить на вопрос: «Какова, на ваш взгляд, должна быть роль Советов в политической системе нашего общества?»

1. «Советы — верные помощники партии, работающие под ее руководством» — 9 процентов.

2. «Советы — органы самоуправления трудящихся, на деятельность которых оказывает идейное воздействие партия» — 16 процентов.

3. «Советы — территориальные выборные органы, зависящие только от воли избирателей» — 20 процентов.

Остальные ответили затруднились. Наиболее консервативные взгляды продемонстрировали «государственники», наиболее радикальные — «западники».

Б. Реформа партии. Задавался вопрос: «Какой, на ваш взгляд, должна быть партия, руководящая нашим обществом?»

1. «Руководить обществом должна Коммунистическая партия, отражающая единую волю передовой части советского народа и, в первую очередь, рабочего

все его члены жили примерно в равных материальных условиях» — 38 процентов, тоже все типы, кроме «западников».

7. «А НАМ ПО ДУХУ БЛИЗОК ПИСАТЕЛЬ...»

Политическое сознание тесно связано с культурными стереотипами. Наши исследования на самом разнообразном материале (Таганрог — 79, Москва — 83) показывают, что выбор любимого писателя (точнее, вербальный, в гораздо большей степени, чем поведенческий) является устойчивой доминантой группового сознания. Мы предложили респондентам оценить по 5-балльной шкале идейную позицию ряда известных советских писателей, именно идейную, поскольку в сегодняшнюю эпоху острой идейной борьбы чисто творческие достоинства несколько отошли на второй план (тем более, что перечисленные ниже писатели очень уж неравноценны по своим творческим данным).

Таблица 5.

ОЦЕНКА ПИСАТЕЛЕЙ ПОЛИТИЧЕСКИМИ ГРУППАМИ

Писатель	Группы					
	1	2	3	4	5	6
1. Ю. Семенов	3,1	3,2	3,4	2,9	4,1	2,8
2. Ю. Бондарев	2,4	3,1	4,2	3,9	4,0	4,5
3. С. Залыгин	4,6	4,5	4,0	5,0	4,1	3,7
4. Ф. Искандер	4,8	3,9	2,8	4,4	3,8	4,0
5. В. Чивилихин	2,6	3,2	4,5	4,3	4,2	4,9
6. А. Твардовский	4,7	4,9	3,4	4,0	4,1	3,7
7. В. Пикуль	2,9	2,4	3,1	3,0	4,6	4,5
8. П. Проскурин	2,2	3,4	4,4	3,8	4,5	4,4
9. Ч. Айтматов	3,9	4,7	3,5	4,9	4,1	3,9
10. В. Белов	2,8	2,9	3,4	4,2	3,9	5,0
11. Б. Пастернак	5,0	4,2	3,1	4,8	3,0	2,9
12. А. Рыбаков	3,9	4,8	2,3	3,9	4,5	1,8
13. В. Коротич	4,8	4,7	2,1	4,2	4,0	2,3
14. В. Распутин	3,9	4,2	4,1	4,8	4,6	5,0
15. А. Битов	4,7	3,2	2,9	3,3	3,1	2,5

8. КУДА УХОДЯТ КОРНИ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Как писала академик Т. И. Заславская, «каждое принимаемое решение, каждый новый шаг перестройки задевают социальные интересы, меняют положение и трансформируют поведение множества взаимодействующих групп» («Правда», 6 февраля 1987 года). Именно в глубинных социальных интересах и следует искать корни политического сознания в условиях перестройки. Каждая длительная эпоха, даже уходя, оставляет следы присущих ей экономических отношений в структуре группового сознания, в понимании социальной справедливости и общекультурных ценностях. Видимый ныне идеологический «букет» — продукт всей нашей истории, в особенности истории последних 70 лет. Не случайно, пытаюсь обозначить существующие явления нашей общественной жизни, мы говорим: «ленинисты», «сталинисты», «брежневисты», «оттепельщики» и т. д.

МАМИН ВОПРОС

Григорий ПОМЕРАНЦ

Примерно в 1936 году (а может быть, уже начинался 1937-й) мама вдруг спросила меня: «Гришенька, неужели это социализм? Ради этого люди шли на каторгу, на виселицу?»

Я высокомерно ответил (только недавно выучил, сдал, получил «отлично»): «Конечно! У нас ведь общественная собственность на средства производства».

И в тот же миг точка в середине груди сказала мне: «Ложь!» Конечно, не словами, но совершенно ясным, бесспорным ощущением лжи. Любопытная это точка, ровно посередине груди. В Индии ее называют чакрой сердца.

С тех пор прошло более пятидесяти лет, и чakra много раз откликнулась во мне (то чувством истины, то чувством фальши). Я убедился, что дважды два четыре или дважды два пять — это ей все равно. И если сказать, что коровы летают, — тоже все равно. Чakra откликается только на сердечную истину и ложь. И тогда, в 1936 году, чakra сказала мне, что социализм — слово, имеющее сердечный смысл, а определение, которое я выучил, этого смысла не передает.

Я стал думать и додумался, года через два или три, до ереси: «У нас нет никакого социализма: рабочим и крестьянам живется хуже, чем в 1927 году». Эту фразу за мной записали, она легла в папку с надписью «Хра-

нить вечно», и в 1949-м (то есть лет через десять) мне ее припомнили и дали за нее (и за несколько других подобных фраз) что тогда полагалось. Предоставив мне несколько лет для дальнейших размышлений о социализме.

Если перевести мою отрицательную оценку в положительный план, то социализм — это общество, где рабочим и крестьянам хорошо жить. Не очень хитро и, пожалуй, наивно, — поморщатся схоласты; но чakra помалкивала. Во всяком случае, лжи здесь не было. А в логически четком определении какая-то ложь была. Потому что в жестком однозначном определении качество человеческой жизни совершенно вынесено за скобки. И Сталин со своей железной логикой сознательно вынес все это человеческое, сердечное за скобки, сразу лишив аргументов своих противников, не согласных с его планом строительства социализма в одной, отдельно взятой стране.

Когда в 20-е годы шли об этом споры, Карл Радек называл сталинскую идею нелепой, щедринской и предлагал, если на это пошло, строить социализм в одной губернии, в одном уезде (как в Чевенгуре). Сегодня Радек называл бы построение социализма в одной стране чевенгурской идеей.

Основа социализма — общественная собственность. Троцкисты это хорошо усвоили. Но они не соглашались, что государственная собственность есть общественная собственность и к этому все сводится. Социализм с армией, полицией, разведкой и контрразведкой,

ПОМЕРАНЦ Григорий Соломонович (родился в 1918 году) — философ, литератор. Живет и работает в Москве.

с тюрьмами и лагерями казался им издевательством над здравым смыслом, сапогами всмятку. Еретики сомневались не в возможности индустриализации, а совершенно в другом. Пожалуй, они и не сомневались, а были совершенно уверены, что общество с тюрьмами — не социализм. Бесклассовое общество — значит конец классовой борьбе. В классовом обществе можно завинчивать и завинчивать гайки. Но еретики не считали такое общество социалистическим. О социализме у них были романтические представления. Например, Троцкий считал, что средний человек при социализме достигнет уровня Гете и Аристотеля. Это звучит странно, но вряд ли больше, чем слова Ленина, что при социализме из золота будут делать общественные уборные. В таких гиперболах жило убеждение, что революция даст качество жизни на порядок лучшее, чем прежде. Иначе к чему все жертвы? И когда Белов называет Сталина троцкистом, он неправ. Ленин и Троцкий гораздо ближе друг к другу, чем любой из них к Сталину.

Можно возразить, что отказ от романтических гипербол был исторически неизбежен. Но отказываться можно по-разному. Колумб тоже был романтик. Задача, которую он себе поставил, — приплыть в Индию с Запада — была для его времени фантастической. Однако по дороге он открыл Америку. Романтика, утопия вдохновляет в путь, а по дороге люди открывают что-то реальное. Один — Антильские острова, другой — архипелаг ГУЛАГ. Многие революции по пути в воображаемую Индию открывали реальную Америку (например, правой рукой порядок, взамен королевского произвола). У нас эти возможности открывал нэп. А Сталин с нэпом покончил и загнал страну в тупик угрюм-бурчевской системы.

Во время лагерных дискуссий и позже (разговаривая с молодежью, выросшей в эпоху застоя) я сталкивался с убеждением, что ничего другого и не могло получиться, что идеалы революционеров — самообман, рационализация либидо (похоти власти), что умные революционеры хотели абсолютной власти и добились ее, а глупых расстреля-

ли. Эта точка зрения хорошо укоренена в психоанализе (все высокие мотивы редуцируются, сводятся к низшим).

Я придерживаюсь другой теории, изложенной Достоевским в романе «Идиот». Поручик Келлер, собираясь исповедоваться князю Мышкину и обливаясь слезами, вдруг подумал, а не попросить ли после исповеди 150 рублей взаймы? Он признается Мышкину в своей «двойной мысли» и спрашивает, не подлость ли она? Мышкин не соглашается, просто одна мысль с другой сошлись. Больше того, Мышкин говорит, что и у него так бывает, то есть не совсем... Князь не договаривает, но можно понять, что благородный, бескорыстный порыв редко обходится без того, чтобы к нему что-то не прилепилось. Этот разговор комментирует другая теория, изложенная Митей в исповеди своему брату Алеше. В каждой душе борются Бог и Дьявол, сталкиваются идеал Мадонны с идеалом содомским. Совершенное господство мрака, как у Смердякова (и у Сталина), — очень редкий, крайний случай. Даже у Лебедева, даже у Келлера остается в душе что-то святое. Вышнее не сводится к низшему. Вышнее и низшее, свет и мрак — в постоянной борьбе.

С этой точки зрения (от которой, правда, сам Достоевский отступал, когда его захлестывала полемика) нелепо ставить революционеров ниже Лебедева и Келлера*. У самых больших честолюбцев, у самых прожженных циников оставалось святое слово «социализм». И они боролись за то, чтобы относиться к идеалам серьезно и честно пытаться осуществить их, а не подменять чем-то доступным, сохраняя прежнее название.

Поэтому все революционеры-большевики оказались в оппозиции Сталину. Одни раньше (Троцкий). Другие — позже (Зиновьев). Третьи — еще позже (Бухарин). Четвертые — совсем поздно (Киров, Орджоникидзе). Все, для кого слово «социализм» сохраняло сер-

* *Образы революционеров у Достоевского — это Раскольников и Иван Карамазов, а Верховенский и Лямшин — образы провокаторов.*

дечный смысл, погибли, пытаюсь сопротивляться Сталину.

Когда стали писать через черточку: «троцкистско-бухаринские» (мерзавцы, убийцы, шпионы), то в этом написании, в этом сведении всех идейно разных позиций в одну была своя (нравственная) правда. Троцкисты были фанатичнее, бухаринцы трезвее. Но у тех и у других были принципы. А фанатизм — это отчасти дело возраста. В 1918 году Бухарин был самый отчаянный фанатик чистоты идеи коммунизма. Троцкий тогда занимал более умеренную позицию: он был старше, опытнее. Бухарин писал, что в случае подписания похабного Брестского мира советская власть приобретет чисто формальный характер, иначе говоря, советская власть потеряла бы для него свой сердечный смысл. Ленин этим возмущался и практически был прав: политика невозможна без компромиссов. Но Бухарин благородно ошибался: он чувствовал, что ряд компромиссов с обидительствами может совершенно лишит идею ее смысла. В известной перспективе это тоже оказалось верно. Потом роли переменялись: Бухарин стал защищать союз с зажиточным крестьянством, а троцкисты (среди которых было очень много молодежи) возмущались отходом от чистоты идеи. И еще одним, по-моему, гораздо более важным обстоятельством они возмущались: становлением аппарата, ростом влияния «аппаратчиков», проводивших политику Политбюро, не считаясь с партией в целом.

* * *

В 1949—50 годах я оказался в обществе двух или трех десятков старых революционеров, отбывших срок в лагерях, вышедших на свободу и заново арестованных, чтобы не засорять Москву чуждыми элементами. Их называли повторниками. Это были эсеры, анархисты, один снюист и один дашнак. Пройдя сквозь огонь и воду, они сохранили свои убеждения; в этом было какое-то нравственное обаяние, обаяние чистоты. Они резко отличались от других арестантов, попавших на Малую Лубянку безо всяких убеждений. И

позже, познакомившись с героиней бакинское большевистского подполья, Ольгой Григорьевной Шатуновской, я чувствовал в ней то же обаяние. Можно и нужно критиковать революционеров за то, что они слишком много себе позволили, но позволили они это себе не ради спешного действия. Если они ошибались, то от нетерпения сердца. И это для меня важнее различия партий и фракций.

Я был потрясен, читая рютинское обращение к партии. Этот политический документ, написанный «интеллигентным пролетарием», без всяких художественных измерений, обладает достоинством классической литературы. Каждая строка рвется из сердца человека, которому отчаяние дало огромную силу слова. Но центральный тезис Рютин взят у Троцкого:

«Партийный аппарат в ходе развития внутрипартийной борьбы и отсекается одной руководящей группы за другой вырос в самодовлеющую силу, стоящую над партией и господствующую над ней, насилующую ее сознание и волю» (ЛГ, 1988, № 26, с. 13).

Если бы мне показали этот текст без подписи, спросили, кто автор, — я без колебания ответил бы — Троцкий. Инвективы против аппаратчиков занимали центральное место в пропаганде троцкизма. Мальчиком лет десяти я уже знал шуточную поэму, где Троцкий говорил языком Курбского, а ему молча внимают «аппаратчиков ряд». Остальное я за шестьдесят лет забыл, но это помню твердо. «Аппаратчики» — слово Троцкого.

Почему Бухарин, Рыков, Томский (и, наверное, Рютин) поддерживали аппаратчиков? Почему они голосовали «за», когда коммунистов, отстаивающих свое право на собственное мнение, на идейное и моральное неподчинение большинству, сажали в политизоляторы? И спохватились только тогда, когда аппарат, послушный Сталину, повернул на 180 градусов и стал проводить такую авантюристическую, такую антинародную политику, сравнительно с которой планы троцкистов были детским лепетом...

В 1932 году было уже поздно. Сталина можно было остановить в 1924

году, выполнив завещание Ленина. Труднее, но можно было и в 1927 году, защитив право троцкистов и зиновьевцев отстаивать свои взгляды. При сохранении внутривластной демократии риск временной победы троцкизма был не так уж велик. Один съезд принял бы программу наступления на кулака, другой отменил бы ее (так, как было с трудовыми армиями). Сохранение порядка, при котором можно критиковать ошибки, важнее, чем любое отдельное решение, правильное или нет. В 1932 году этого порядка уже не было. Оставалось только сесть в политический изолятор вместе с нераскаившимися троцкистами (если бы я был Шатровым, непременно написал бы сцену встречи Рютина с Раковским).

Вокруг Троцкого и троцкизма создан такой туман, что реальность почти невозможно разглядеть. И первый шаг к реальности — разделить эти два явления, Троцкого и троцкизм. Насколько я могу судить, до 1923 года троцкизма не было. Был Троцкий, записной оратор в первом Совете рабочих депутатов (1905); был Троцкий, пытавшийся всех со всеми примирить и сталкивавшийся на этом с Лениным, настойчиво сбиравшим особую большевистскую партию. Был Троцкий 1917—1922 годов — кумир матросских митингов, организатор побед Красной Армии, зажимщик, расстрельщик, норовивший завинтить гайки и перетряхнуть профсоюзы с песочком. Но и этот Троцкий еще не был троцкистом. Его расхождения с Лениным были чисто тактическими и быстро снимались. Накануне Кронштадтского мятежа Ленин поддержал резолюцию Троцкого о трудовых армиях. После Кронштадтского мятежа Троцкий поддержал ленинский план нэпа. И то, что Троцкий в 1920 году писал о диктатуре пролетариата, мог бы написать Ленин*.

Троцкизм начался с тени, подозрения. Ленин смертельно заболел и Политбюро испугалось тени нового вождя. Троцкий еще не начинал борьбы за первенство (он, по-видимому, считал,

что оно достанется ему без всякой борьбы). А Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков, Томский испугались тени личной диктатуры и бросились в объятия Сталина, чтобы не допустить ее. В 1926 году, когда Зиновьев остался в дураках, он рассказал Троцкому, как было дело. Политбюро собиралось у постели Троцкого (он тоже болел: простыл на охоте), но в тайне все решения принимались заранее, и Троцкий никогда не мог настоять на своем. Вот тогда он и стал троцкистом. Тогда возник троцкизм — парадоксальное переплетение борьбы за внутривластную демократию, за чистоту идеологии социализма, за агрессивную политику в деревне — и, наконец, за личную харизму Троцкого, «вождя мирового пролетариата» (для сторонников Троцкого этот титул стал почти обязательным, вроде «величайшего гения всех времен и народов»).

Задним числом кажется, что какой-то злой дух нарочно помутил зрение Зиновьева, Каменева, Бухарина, что он вел их за собой, как рок вел Эдипа, и чем стремительнее Эдип бежал от отцеубийства, тем неотвратимее свершалась его судьба. Тут мерещится уже не шатровская драма, а шекспировские три ведьмы или разгневанные боги.

Что-то здесь навсегда останется тайной. Но один уголочек тайны бросается в глаза; и достаточно раз указать на него, чтобы увидеть. Потому что мы все это знаем, только не вдумывались:

Партия и Ленин — близнецы-братья, — кто более матери-истории ценен? Мы говорим — Ленин, подразумеваем — партия, мы говорим — партия, подразумеваем — Ленин.

Большевики — ленинцы. И это их отличает от всех других партий. Большевики — не мартовцы, не плехановцы. Они сами по себе. И эсеры — каждый сам по себе. У Марии Спиридоновой было огромное нравственное обаяние (мне рассказывал об этом старый рабочий, повидавший ее в Бутырьках, в 1905—1906 годах); однако эсеры никогда не были спиридоновцами или,

* См. *Круглый стол в «Искусстве кино», 1988, № 6.*

допустим, черновцами. Большевики были партией, имевшей бесспорного вождя. И когда бесспорный вождь был разбит параличом, возник вопрос, которого в партии другого типа просто не было бы: кто станет следующим бесспорным вождем.

Началась борьба двух харизм: харизмы митинговых ораторов (Троцкий, Зиновьев) и должностной харизмы, создаваемой послушным и гибким аппаратом. Революция приучила к мысли, что вождь — непременно хороший оратор, непосредственно, лично способный завоевать себе поддержку. Поэтому Сталина (очень плохого оратора) никто не боялся. Он мог шаг за шагом укреплять свою власть, власть аппарата.

В ходе этого процесса демагоги, теряя власть, становились защитниками демократии.

Первым актом троцкизма была платформа демократического централизма, с решительным упором на первое слово — на демократию.

Трагедия внутрипартийной борьбы 20-х годов была в том, что люди, остро почувствовавшие необходимость демократии, защиты прав отдельного деревню и смотрели на нее только как на резерв, на материал для строительства социализма. А те, кто были ближе к народу, легко соглашались жертвовать правами личности. Этот раскол вряд ли изжит и сегодня. Разве наши писатели, вышедшие из деревни, — борцы за права человека? И разве диссиденты близки к мужику? В каждую эпоху России это противоречие выступает по-новому...

Добро и зло не просто разделились. Если считать главным экономической политикой, то бухаринцы — герои, троцкисты — злодеи. А если — сохранение и развитие демократии, хоть в рамках партии, то героями были левые. Каменев даже стоял за многопартийную демократию. Об этом мне говорил Якубович*.

В 1925 году Троцкий спросил Бухарина: «Почему у нас в партии нет де-

мократии?» Бухарин ответил: «Потому что мы вас боимся» (цитирую наизусть по книге Троцкого «Моя жизнь», которую мне удалось когда-то достать на французском языке). Сворачивались последние остатки демократии, а Бухарин пошучивал: «У нас могут быть только две партии: одна у власти, другая за решеткой». Он не был циничнее других. Он был просто откровенней.

Троцкисты и бухаринцы исходили из одной и той же морали. Из ленинской морали: нравственно то, что полезно революции.

А если прикажет солгать, — солги.
И если прикажет убить, — убей.

Историк обязан понять, что в этих стихах Багрицкого — мораль, а не просто-напросто аморализм. Мораль революции: «За нее на крест, и пулею чешите...» Ради революции не щадили ни жизни, ни совести**. Но троцкисты и бухаринцы расходились в понимании того, что полезно для революции, и поэтому были непримиримыми врагами. А Сталин мог блокировать и с теми, и с другими. Ему плевать было на пользу революции или социализма и на всякую мораль тоже плевать. В совершенной безыдейности и абсолютном аморализме — один из источников его силы.

В 1908 году Степан Шаумян был арестован на квартире, о которой знал только Сталин. С тех пор он считал Кобу провокатором. Я не удивлюсь, если это окажется правдой. Но дело

* Старый социал-демократ, с 1917 года — большевик, в 1930 году вынужденный играть роль меньшевика на процессе меньшевистского центра, получивший 10 лет и благодаря этому уцелевший: 1937 год он пересидел, всеми забытый, в лагере. Разговор его с Каменевым относится к 1928 году.

** В каких-то воспоминаниях — может быть, Татищева — я прочел о коммунисте, которого красноармейцы подозревали в измене. Рассеять эти слухи было невозможно. И человек убедил товарищей, не веривших слухам, что его, ради успокоения масс, надо судить и расстрелять. Так и было сделано.

не в том, получал ли Коба деньги от охраны или работал на самого себя. Важно, каким был весь стиль его деятельности (сейчас это совершенно ясно). Как все провокаторы, он умел быть и в потоке революционных идей и дел, и как бы со стороны, на бережку. Он владел языком революции, не веря ни во что, и пользовался то одной, то другой идеей, смотря что выгоднее. Он видел своих товарищей с изнанки, со стороны их слабостей, и ловко стравливал Зиновьева с Троцким, Каменева с Рыковым. Он организовал убийство Кирова и расстреливал за это остальных своих соперников. Какой Азеф, какой Малиновский мог сделать больше? Сталин был величайший провокатор всех времен и народов. У него нет соперников.

Почему чакра не подсказала Бухарину, что блок со Сталиным человечески немислим, что «с ним коммунизм не построишь»?

На очной ставке, когда Айхенвальд подтверждал свои, вырванные под пыткой, показания, Бухарин сперва поморщился, а потом махнул рукой и сказал своему ученику: «Не думайте и не пишите о политике, об экономике. Думайте и пишите о человеке». Айхенвальд рассказал об этом Бергеру, основателю компартий Палестины, Сирии, Ливана и, кажется, Египта. Бергер, после двух смертных приговоров как-то уцелел, уехал в Израиль и пересказал замечательный разговор в своей книге «Крушение поколения». Слишком поздно, на пороге смерти, Бухарин понял то, что человек важнее экономики. В 1924, в 1927 году он еще считал, что политика и экономика важнее.

Бухарин и Рыков хотели улучшить положение рабочих и крестьян, насколько это было возможно, и не жертвовать сегодняшним днем ради завтрашнего, даже социалистического. Не думаю, чтобы им нравился Сталин. Но Сталин притворялся, что он искренний сторонник их политики и ради нее пустил против оппозиции механизм репрессий. Совесть покорилась логике. Если можно сажать в политизоляторы социалистов другого исповедания —

меньшевиков и эсеров, то почему нельзя сажать троцкистов? Так было ликвидировано право меньшинства отстаивать свои убеждения. Так были подготовлены процессы «троцкистско-бухаринских мерзавцев». И никто больше не смел сомневаться, что социализм в одной стране построен: государственная собственность — это высшая форма общественной собственности. Государственная собственность у нас безраздельно господствует. Следовательно...

Никаких уборных из золота. И в обычную уборную не войдешь: каплет со стен, с потолка... Грязь, вонь, теснота коммуналок, грубое неравенство — и на всем этом вывеска: «Социализм». Социализм без мыслящей головы. Никто не смел заметить подлог: государственная собственность приравнена к общественной собственности, хотя и Энгельс, и Ленин объясняли, что национализация — это еще не социализм.

Если социализм означает безраздельное господство государства, то прав Шафаревич: все случаи тотальной государственной собственности, начиная с III династии Ура, кончались кризисом и гибелью. Если верно сталинское определение социализма, то Шафаревич тоже прав: социализм — воля к смерти.

Эта идея, высказанная в статье «Социализм как явление мировой истории» (Париж, 1977 г.) попала в советскую печать как цитата в ответе Р. А. Медведева на письмо И. Р. Шафаревича (то и другое в «Московских новостях» за 12 июня 1988 года). Мне показалось, что ответ Роя Александровича не снял по существу вопроса о глубинных корнях сталинизма, поставленного Шафаревичем.

У меня нет никаких оснований наступать за И. Р. Шафаревича. Это мой идейный противник. Самый метод его мысли мне глубоко чужд, Шафаревич обращается с текучими амбивалентными понятиями гуманитарной сферы, как с трюгальниками и квадратами; и если где заметил черноту, то с железной логикой доказывает, что чер-

ное только черно и никакой белизны в нем нет. Никакой попытки понять духовную суть того, что невзлюбил...

И все же, какие причины сыграли свою роковую роль? Я не берусь в нескольких строках распутать весь этот клубок, но каждый раз, когда от меня требуют ответа, я вспоминаю Достоевского: тот, кто сказал «все позволено» — теоретик. Он убивать не умеет. Убивает Смердяков, убивает Федька Каторжный. И в конце концов практик вседозволенности отшвыривает теоретиков в сторону и пускает их в расход.

Опыт революции показал, что абсолютная цель остается в воображении, а средства входят в жизнь. Что на большой дистанции правым оказался Лев Толстой: дурные средства пожирают любую цель.

По словам Георга (Дьердя) Лукача, Сталин продолжил в бесконечность методы, уместные и оправданные в годы гражданской войны. Это психологически верно, — верно описывает психологию большевиков-сталинцев. Но с более глубокой точки зрения, это только полуправда. Сталин довел до предела то, против чего протестовал Горький, Короленко, Роза Люксембург и многие, многие другие. Они оказались правы. Политика расказачивания, расстрелы заложников были трагическими ошибками Ленина и большевиков. На этих ошибках вырос Сталин.

Сказанное не снимает огромной нравственной разницы между трагической ошибкой революционера и мерзостью провокатора и садиста. Я решительно против того, чтобы писать «Ленин—Сталин» через черточку. Но совершенно оторвать Сталина от истории большевизма тоже нельзя. И если эта связь не будет исследована трезвым разумом, то мы отдаем дело на откуп маньякам и провокаторам.

Жизненно важный вопрос не в том,

как правильно назвать тупик тотальной государственной собственности, а как из него выбраться. Никакой формулы социализма нет. Социализм — не гомункулус, вылезший из колбы. Это исторический процесс, ряд проектов и попыток, предпринятых в разных странах, разными партиями, попыток несовершенных, требующих постоянных поправок, но неистребимых; это совокупность проектов и попыток исправить зло, принесенное капитализмом; и хотя некоторые попытки оказались лекарством, которое хуже самой болезни, и приходится прежде всего освободить пациента от вредных лекарств, — здоровым от такого освобождения он не делается. И люди ищут новые медикаменты и процедуры, находят какие-то новые смеси общественной организованности и частной инициативы. Скорее всего, именно в таких смесях — оптимум развития. Таким оптимумом для 1922 года был нэп. И сейчас, если хватит сил и ума, есть шанс вернуться к чему-то вроде нэпа и заново начать развитие, которое можно будет назвать социалистическим. Хотя нет ничего страшного, если сердечный смысл слова «социализм» будет выражен каким-то другим словом.

Как розу ни назови, она одинаково хорошо пахнет. Можно вспомнить, что Стравинский обижался, когда американцы называли его музыкальным революционером, но характер его музыки от этого не менялся. Главное — не в словах, а в действительности, в действительном внутреннем скачке, в освобождении от лжи и грязи прошедших лет. Притча Абуладзе сошла с экранов, но перед нашим духовным взором все время остается задача, поставленная фильмом: как найти дорогу к Храму, к «царствию, которое внутри нас», к освобождению творческих сил, заложенных в человеке.

ТЕРНИИ

Евгений БУДИНАС

ПРАВДЫ

Об этом драматичном, едва не ставшем трагическим, событии уже много сказано в советской прессе. 30 октября прошлого года в Минске силами милиции, с участием спецвойск, было разогнано массовое шествие мирных граждан. Очевидец событий, известный белорусский автор, размышляя о последствиях конфликта, а точнее об отсутствии оных, задается рядом тревожных вопросов.

Итак, в воскресенье, 30 октября в Минске был грубо разогнан заявленный городским отделением Белорусского фонда культуры и товариществом молодых литераторов при Союзе писателей республики «Тутэйшыя», но запрещенный Мингорисполкомом десяти тысячный митинг-реквием в День поминовения предков, «Дзяды».

Стараниями писателей Василя Быкова, Виктора Козько, Алеся Адамовича, Александра Борина, юриста Ларина страна знает историю про то, как люди, шедшие на кладбище с цветами, были встречены плотными рядами милиции, подкрепленной внутренними войсками МВД, мощной военной техникой (водометы, спецмашины для перевозки арестованных), отрядами непривычно одетых людей со щитами, в касках, вооруженных дубинками и газовыми баллонами.

Уже публично засвидетельствованы и неправомерные действия властей, и явное нарушение законов органами МВД, выраженное в неспровоцированном нападении на граждан, в примене-

нии газовых баллончиков и прочих спецсредств, в устрашении мирного населения военной мощью, в незаконном задержании (с применением физической силы) десятков людей, в нанесении нравственного оскорбления и попрании чести и достоинства многих тысяч граждан.

Рассказано и о других октябрьских событиях в Минске — учреждении творческими союзами историко-просветительского общества памяти жертв сталинизма «Мартиролог Белоруссии», создании оргкомитета Белорусского народного фронта в поддержку перестройки. И о последовавшей за этим размашистой кампанией против творческой интеллигенции и молодежных неформальных объединений, апофеозом которой и стало 30 октября.

Общественной комиссией, созданной по инициативе одного из «самозванцев» — как печатно и публично теперь именуются лучшие представители белорусской культуры — писателя Василя Быкова, уже собраны и переданы в прокуратуру республики сотни свиде-

тельских показаний, писем, фото- и кинодокументов, подтверждающих явное превышение милицией дозволенных законом и необходимых мер по обеспечению общественного порядка...

И хотя по-прежнему упорствуют члены комиссии Президиума Верховного Совета республики, продолжая утверждать в печати, что ничего из происшедшего 30 октября не происходило, по-прежнему (правда, с заметно поутихшим энтузиазмом) городские власти отстаивают свою правоту, по-прежнему руководство МВД республики уверяет общественность, что нарушений закона со стороны органов охраны общественного порядка не совершалось, а прокуратура республики так и не начинает следствия, видимо, дожидаясь «установки сверху», — всем уже ясно: замять дело, не признав правды и не наказав виновных, на сей раз не удастся.

Представляется очевидным и другое: события в Минске имеют весьма значительный и выходящий за рамки провинциального сюжета смысл. Что за ними и как к этому следует относиться?

Пожалуй, проще всего с ответом на вопрос о причинах упорства властей в непризнании очевидного. Вот как мне (естественно, с той долей допущения, которая неизбежна в условиях едва зарождающейся гласности, когда решения по-прежнему принимаются при закрытых дверях, а распоряжения отдаются неведомо кем) видится цепочка событий:

— городские власти (возможно, по согласованию с вышестоящими) допустили, мягко говоря, ряд ошибок. И вместо их признания принялись заверять всех в своей невинности;

— органы МВД (возможно, не без указаний свыше) наворочали дел. И опять заверения в правомерности и законности действий, подкрепленные справкой комиссии МВД СССР о том, в частности, что газы не применялись (вопрос об их применении стал отчето-то ключевым);

— прокуратура республики (возмож-

но, по чьей-то просьбе или под чьим-то давлением) криминала в действиях подразделений и работников МВД не обнаружила. И заверила комиссию Президиума Верховного Совета республики, что и жалоб-то на милицию не поступало. Дело, мол, не стоит выеденного яйца;

— вышеозначенная комиссия заверения приняла и подтвердила, обнародовав свои выводы. (К слову, абсолютное большинство известных мне свидетелей и участников событий, даже из числа выступивших в местной и центральной печати, о работе комиссии не знало);

— Президиум Верховного Совета эти выводы утвердил...

Вот уж воистину: чем больше про-веряющих, тем больше нарушающих! А что прикажете делать мне, который все эти заверения и выводы слышал, а все происходящее 30-го видел, о чем и писал в газету?

Мы поступили следующим образом. Собрали с режиссером Ю. Хашеватским фото и кинокадры, показания свидетелей, снятые на видео, сделали раскадровку двух попавших в объектив эпизодов с грубым насилием и применением газов, смонтировали в домашних условиях любительский фильм и показали его сначала секретарю горкома партии П. К. Кравченко, который в октябре был в отпуске и не принимал участия ни в митинге, ни в его разгоне, а потом прокурору республики Г. С. Тарнавскому и его подчиненным, кое-кто из которых, как неожиданно выяснилось, на митинге присутствовал.

— Где же вы были раньше? Отчего своевременно нам это не показали? — вздохнул Кравченко.

В том смысле, что дело уже обнародовано и поезд ушел.

Первый заместитель прокурора республики В. К. Кондратьев, раздраженно прервав мою, как он выразился, «болтовню» на том самом месте, когда я интересовался, нельзя ли разыскать заснятых на видео милиционеров, чтобы спросить их, кто и зачем давал им газовые балончики, взорвался:

— Показали? А вот теперь докажите!

В том смысле, что против прокуратуры (!) нам слабо.

И сразу кое-что прояснилось. Ведь если прокуратура теперь не докажет, что никаких нарушений закона 30-го не было, если городские власти не сумеют всех убедить, что поезд уже ушел, а комиссия не отстоит свои выводы, то меры придется принимать и к тем, кто виновников или сознательно прикрывал (возможно, под чьим-то нажимом) или проявлял недобросовестность в работе, обманывая комиссию, а тем самым и Президиум Верховного Совета БССР.

Но раз вынуждены, то и докажут, и сумеют, и отстоят. И тогда уже не им, а мне с нашим любительским фильмом и моими опубликованными свидетельствами скорее всего придется отвечать, как в старые и недобрые времена. По статье, которую и в новые времена пока еще никто не отменял. Выход (известный все по тем же недобрым временам) был один: искать понимание и поддержку «выше».

Достоверной информации о происходящем на пятом этаже красивого здания в центре Минска у публики, естественно, нет. Ни у читающей, ни у пишущей. В печати не опубликовано даже сообщение о декабрьской встрече первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии Е. Е. Соколова с представителями Союза писателей республики.

Дефицит информации всегда восполняется домыслами, догадками и предположениями. И сводится все к главной группе вопросов. Знали или не знали «наверху» о готовящихся мерах по прекращению митинга? Если не знали, то почему? И кто тогда действия органов МВД санкционировал? Если узнали лишь впоследствии, то что именно? Вся ли правду? Если не всю, то почему? Оказались обманутыми или не захотели знать? Что за этим «не захотели»? Не то ли, что знать, — это значит действовать: оценивать ситуацию, принимать меры, наказывать виновных? Или бездействовать, но тогда быть осужденными за бездействие. Не в том ли дело, что не знать — проще?

Достоверно известно лишь то, что

информация «наверх» поступала. И письма, и резолюции собраний, и телеграммы, и звонки. Не говоря уже о материалах прессы.

И вот в кабинете Председателя Президиума Верховного Совета республики Г. С. Таразевича я вижу... в некоторой степени растерянного человека. Что, впрочем, вполне естественно, когда на столе у тебя лежат официальные отписки, утверждающие одно и весьма желанное, а перед тобой сидит живой и внешне вполне нормальный очевидец, свидетельствующий о противоположном, к тому же чрезвычайно неприятном.

Необычная ситуация, непривычная реакция вчера еще такой послушной общественности, неожиданное поведение вчера еще такой «ручной» прессы. Раньше-то чего проще. Запретили митинг, его бы и не было. Да никто бы и не просил!.. А если уж прокуратура сообщила, комиссия заверила, Президиум постановил, пресса обнародовала — тут уже все. Точка. А теперь... Эти статьи, эти фотоснимки и фильмы, эти живые свидетели и пострадавшие... Кому верить? Самому что ли бросать государственные дела и идти разбираться?

Трудно. Непривычно. Непонятно.

Столица республики, еще вчера удивлявшей страну спокойствием и размеренностью общественной жизни, бурлит как котел. Растет недоумение, дестабилизируется обстановка. И обвиняются во всем власти...

В этой беседе с Г. С. Таразевичем, пытаюсь каждый по-своему оценить ситуацию, мы сошлись, пожалуй, только в том, что объяснений происходящему может быть два: неумение, неподготовленность должностных лиц к работе в новых условиях, их неопытность, а где-то и прямо глупость или... Или преднамеренность.

Про неумение и глупость оставим. Речь идет не о нашаливших мальчишках, а об опытных, знающих свое дело работников, не однажды проявлявших себя.

Тот же заместитель министра внутренних дел К. М. Платонов, руководивший, судя по кинокадрам, «прекращением» митинга, умно и в высшей

степени профессионально вел себя, «усмиряя» однажды несанкционированную демонстрацию «афганцев»: сумел выйти один на один с колонной разбушевавшихся парней, найти с ними общий язык, избежать применения силы и столкновения. И если на этот раз он пошел на обострение, на конфликт, предположить можно только преднамеренность. Но в чем логика, где смысл?

С К. М. Платоновым понятно: так безоглядно действовать может только человек, выполняющий чей-то приказ, как минимум — чью-то установку. Жестокость ведь проявлялась к людям, но только не провоцировавшим ее, но даже не оказывавшим сопротивления, она носила, таким образом, наступательный характер.

Напрощается мысль о попытке спровоцировать конфликт, подогреть, накалить ситуацию. Все поведение милиции свидетельствовало о политической подготовке, об «ориентации» личного состава, точнее, о его умышленном дезориентировании.

Кто же так «подставил» органы? И зачем? Уж не для того ли, чтобы потом показать «наверху» (милицией даже снимался специальный фильм), до чего дошли эти «распоясавшиеся» интеллигенты и неформалы? А это — зачем?

Трудно предположить столь дремучее непонимание властями того, что всякое демонстративное насилие вызывает протест, приводит к консолидации сопротивления, к осложнениям и даже трагическим последствиям.

Пойти на это можно только от безысходности, только отчаянно спасая себя и сжигая мосты к отступлению. Могло ли быть у определенных сил в городе и республике это ощущение безысходности и надвигающегося краха? И что это за силы?

Позволю себе собственную версию положения и расстановки сил.

С одной стороны — очевидные народнохозяйственные успехи республики на фоне страны, находившейся, мягко говоря, в предкризисном состоянии. Долговременный и последовательный рост экономических (промышленных, сельскохозяйственных) и социальных показателей («даже мясо на прилавках

магазинов»), утверждающий руководств в правильности избранной и успешно (сравнительно с остальными регионами) осуществляемой хозяйственной, экономической стратегии, как бы не нуждающейся в коренной перестройке.

С другой стороны — вмешательство в эту сферу творческой интеллигенции, естественно, не удовлетворенной лишь относительными на фоне кризиса успехами, обеспокоенной экологическими последствиями интенсификации, — той же мелиорации, химизации, развития энергетики, в том числе и атомной. Справедливости ради отметим, что это вмешательство, чаще всего озабоченное и страстное, не всегда оказывалось столь же компетентным и профессиональным (обязан ли писатель или газетчик быть профессионалом в том, о чем он пишет, — вопрос отдельный). Порой оно и вовсе обретало характер нападок, иногда и спекулятивного свойства. Взаимное непонимание вело к конфликту, к тому, что руководство и творческая интеллигенция начали говорить как бы на разных языках, плохо понимая друг друга.

Этой ситуацией умело воспользовались некоторые руководители и активисты идеологического сектора, где дела обстояли далеко не так хорошо, как в хозяйственном, успехами которого они прикрывались. Здесь безраздельно властвовали идеологи аппарата, державшие всё и всех в железных руках, если не сказать, в ежовых рукавицах. Всякие попытки поднять голос решительно и активно пресекались. Проблемы языка, национальной культуры, истории, образования, печати не решались и даже не обсуждались, а лишь накапливались, достигали критической массы, что неизбежно вело к взрыву.

Волна перемен, пусть не сразу, но докатилась и до белорусской столицы. Некоторым из руководителей идеологического сектора, остающимся на своих местах и при своих убеждениях, был публично предъявлен счет. Безраздельная власть аппарата пошатнулась.

Вчерашним (по методам и мировоззрению) идеологам оставалось два выхода: или перестроиться, или уйти. Судя по всему, они выбрали третий.

Спасая себя, свои должности и собственную судьбу, решились на отчаянный и преступно безответственный шаг: столкнуть интеллигенцию с руководством, любой ценой убедить последнее в том, что разговаривать с «экстремистами» из творческих союзов можно только на языке силы.

Взаимное, старательно подогреваемое недопонимание руководства республики (к тому же изрядно обеспокоенного примером соседней Прибалтики) творческих сил способствовало успеху этой, казалось бы, сумасбродной затее. Как показали события 30 октября, достигла определенных успехов и яростная пропагандистская кампания, развернутая с явной целью вбить клин между рабочим классом и интеллигенцией и даже натравить на нее милицию. Теперь идеологические начальники последними усилиями и любой ценой пытаются создать видимость, что ничего не случилось.

Мне кажется, именно это понимал и предвидел Аเลส Адамович, утверждая в «Огоньке», что Минск заслужил печальную репутацию антиперестроечной Вандеи. И не просто Вандеи, как ему печатно и публично инкриминируется, а «Вандеи стараниями некоторых обществоведов и идеологических начальников», часть которых он назвал поименно.

События 30 октября и крики в ответ на наступление милиции: «Вандея! Вандея! Вандея!» эту печальную репутацию подтвердили.

Тем не менее, ничего противоестественного, а тем более неожиданного, в Минске не произошло.

Все естественно и нормально, если мы действительно живем в пору ломки общественного сознания, если мы не играем в революцию, а делаем ее. Нормально, ровно на столько, на сколько вообще может быть нормальной революция. Она ведь не от хорошей жизни и потому не бывает мягкой. Жизнь ведь не агитпункт, где «создаются все условия для исполнения гражданского долга».

Конечно, оторопь берет. И не столь даже от вероломства случившегося, сколько от того, как мелко ведут себя «нашавившие», как уваливают и выкру-

чиваются. К этому мы оказались не подготовленными.

Хотя прекрасно понимали, на что шли. Еще когда только думали о совершенствовании хозяйственного механизма и ломали перья, упираясь в стену. И в конце концов, каждый своим путем приходил к догадке, что дело не в экономических и хозяйственных реформах, а в политической борьбе, в создании новой политической системы. Но политическая борьба — это борьба за власть, которую, как известно, без боя не отдают.

Кто сказал, что процессы оздоровления общества должны быть ровными и безболезненными? Где вы видели разрушителя, который признается раньше, чем его приперли к стенке?

Мы сетуем, что война идет «не по правилам», но разве мы настолько наивны, чтобы надеяться только на прямой и честный диалог? Без использования сторонами преимуществ? У одних, отождествляющих себя с партией и присваивающих себе идею обновления общества, преимущество в силе власти, но и слабость — их пошатнувшийся авторитет, их опостылевшие, изживающие себя методы. У других — преимущества новаторства и инициативы, но зачастую путаность позиций, неопытность и отсутствие выдержки.

Впрочем, проявленные 30 октября в Минске выдержка и дисциплина в ответ на провокацию и насилие — это уже победа прогрессивных сил.

Вообще в этой печальной «провинциальной» истории немало поводов для оптимизма. Ведь живем-то уже по-новому. И уже немало добились. Когда это было, чтобы идеологические начальники приходили к нам на собрания и просили не бить в колокола, а колокола бы гудели?

Чтобы газету заставляли публиковать клевету, а она не публиковала? Чтобы газете запрещали печатать правду, а она ее печатала? Чтобы митинг не разрешали, а он проходил? Чтобы в творческих союзах не ссорились и не сводили друг с другом счеты, а консолидировались и действовали заодно? Чтобы митинг разогнали, превышая законные меры, а потом отвечали за это...

Стоп. До этого мы пока не дожили. За это еще надо биться. Действовать. Но и отвечать за свои действия. Запретили митинг без должных оснований — отвечать. Пошли на запрещенный митинг — тоже отвечать. Слишком? Обидно? Но мы ведь сами выбрали этот путь. И теперь так будем жить довольно долго. Потому что мы еще только демократизируемся и до подлинной демократии нам пока еще далеко. Кроме того, не следует отождествлять демократию и справедливость. Демократия это только путь к справедливости, который никогда не бывает легким.

Впрочем, оптимизм невольно омрачают тревожные размышления. Сейчас, как бы стремясь в республике к конструктивному диалогу, многие «наверху» говорят об уроках этой истории. Ссылаются на неопытность. Надо, мол, учиться демократии, учиться жить и действовать в новых условиях. Первые уроки, мол, получены.

Ну, а если это не уроки, если это первые санкционированные шаги антиперестроечной Вандеи, переходящей в наступление? Упорство властей в не-

желании признавать и исправлять ошибку, новые публикации из шельмованием в старом духе, новые высокие назначения прежних лиц, новые поступки минских градоначальников, вынудивших белорусских молодых неформалов провести свой съезд в Литве (!) — все это, плюс отсутствие гласных оценок событий со стороны верхних этажей власти, позволяет допустить худшее. И требует бдительности и мобилизации усилий. Потому что, если это так, и если антиперестроечная Вандея, перейдя в наступление, возьмет верх, то нам, говоря словами из выступления члена Политбюро ЦК КПСС А. Н. Яковлева в Перми, «может грозить не просто возврат к прежнему, к временам застойного сознания, но торжествующий свою победу, агрессивный и мстящий консерватизм». И вопрос А. Нуйкина, прозвучавший за «круглым столом» бюллетеня «Век XX и мир» — «с кем окажется армия, если у нас перестройку решат ликвидировать насильственным средствами?» — становится отнюдь не преждевременным. На чьей стороне могут оказаться подразделения МВД мы уже увидели в Минске 30 октября.

БУКВА ЗАКОНА И ПОСТУПЬ ЖИЗНИ

Андрей ЦЕХАНОВИЧ,
журналист

Репортаж-отчет о брифинге в прокуратуре Ленинграда 19 декабря 1988 года

Идея этого брифинга появилась одновременно у нескольких журналистов из ленинградских и центральных изданий, которые оказались свидетелями того, как известие о проведенных в Ленинграде обысках по политической 70-й статье вызвало эффект разорвавшейся бомбы. Кому понадобилось на четвертом году перестройки реанимировать отжившую статью уголовного кодекса, которая сейчас стала явным рудиментом сталинской 58-й! Тем более, что в проекте нового уголовного кодекса эта статья, наконец-то, принципиально изменена,— так где же логика!!

Брифинг состоялся. Он продолжался более часа. Журналистам давали разъяснения прокурор Ленинграда Дмитрий Михайлович ВЕРЕВКИН, старший помощник прокурора по надзору за следствием в органах государственной безопасности Инесса Васильевна КАТУКОВА и начальник следственного отдела УКГБ СССР по Ленинградской области Виктор Васильевич ЧЕРКЕСОВ. Снимало телевидение, работали диктофоны. И ответ на главный вопрос — зачем понадобилось заводить уголовное дело и проводить обыски — судя по тому, что было сказано, получался неоднозначным. При всей формальной и юридической законности действий правоохранительных органов политическое, идеологическое и, наконец, нравственное обоснование этого сенсационного по нынешним временам шага оставалось спорным. Группа писателей в письме в средства массовой информации (см. стр. 2—3) сочла факт проведения обысков по политической статье событием вопиющим для государства, которое стремится стать демократическим, правовым. Обоснованные возражения высказала и комиссия по общественным движениям при ленинградском отделении Советской социологической ассоциации. А ленинградское отделение Всесоюзного общества «Мемориал» усмотрело в действиях прокуратуры и следствия прямую аналогию со сталинскими методами подавления идеологических противников.

Тогда и возникло желание предложить любому изданию репортаж-отчет о состоявшемся в ленинградской прокуратуре брифинге. Он выполнен в виде сокращенной стенограммы состоявшегося разговора. Читатель сможет сам, без посредника, разобраться в аргументах и контрдоводах, составить свою точку зрения.

Д. ВЕРЕВКИН. Ну, в связи с обращением ко мне... Органами Комитета государственной безопасности в связи с наличием в Ленинграде печатных изданий и размножением печатных изданий, в которых содержались призывы к свержению существующего у нас социалистического строя, было по факту возбуждено уголовное дело по статье 70-й Уголовного кодекса РСФСР.

— **Дмитрий Михайлович, что вы нашли во время обысков..?**

Д. ВЕРЕВКИН. Я думаю, на этот вопрос ответит в тех пределах, в которых это возможно, поскольку существует тайна следствия, начальник следственного отдела Комитета государственной безопасности...

В. ЧЕРКЕСОВ. Как и было сказано прокурором города, уголовное дело было возбуждено по факту распространения в Ленинграде антисоветских материалов. Результаты обысков, проведенных по местам следствия у ряда ленинградцев, подтвердили обоснованность возбуждения этого уголовного дела. Ибо у каждого из них,— а речь идет о гражданах Подольцевой, Терехове, Рыбакове, Скобове, Евдокимове— изъяты документы в значительных количествах, аналогичные тем, которые явились основанием для возбуждения уголовного дела. Более того, материалы этих обысков однозначно говорят о том, что эти лица, проводя свою деятельность, непосредственно связаны со всем известной пресловутой антисоветской организацией Народно-трудовой союз. Этот вывод не случаен и основан на том, что при обысках у всех названных лиц были изъяты печатные документы НТС, такие, как периодические издания и программа Народно-трудового союза. В этих документах содержатся прямые призывы к борьбе с существующим в Советском Союзе строем, к борьбе с социализмом, к отстранению Коммунистической партии Советского Союза от политической власти в стране. Вот первые результаты проведенной следственной деятельности.

— Простите, вопрос такого характе-

ра: насколько мы знаем из нашей прессы, программа НТС не предусматривает насильственных действий, направленных на свержение советского строя...

В. ЧЕРКЕСОВ. Дело в том, что возбуждено уголовное дело по статье 70-й, которая в нынешней своей редакции, имеющей законную силу, предусматривает уголовную ответственность за распространение и изготовление произведений, содержащих призывы к изменению существующего строя с целью подрыва этого строя. И поэтому такая трактовка обязывает нас в случае, если подобного рода материалы имеют место, привлекать виновных к уголовной ответственности. А если они не установлены, как пока следует из сегодняшних материалов дела, то вести необходимые следственные действия для обнаружения этих лиц, а в данном случае вести поиск доказательств, которые изобличают виновных в совершении этого преступления. Поэтому, говоря о том, что есть необходимость привлекать к уголовной ответственности за подобного рода преступление, лишь если его наличие привело к насилию, мы несколько забегаем вперед. Потому что это — тема для дискуссии о новом Уголовном кодексе. Но мы обязаны, пока этот новый Уголовный кодекс не принят, действовать в рамках существующего.

Д. ВЕРЕВКИН. Что можно к этому добавить? Добавить можно следующее: есть программы этих организаций. И есть конкретные действия. И мы видим, что в действиях конкретных лиц, которые уже упоминались, наблюдается другая тенденция — тенденция к проведению несанкционированных митингов, к тому, чтобы в результате принимаемых мер по пресечению подобных митингов призывать к беспорядкам, к актам гражданского неповиновения. Мне кажется, что это расходится со словами о ненасильственном характере действий этих лиц. В конце концов, надо определять не по словам, а по делам.

— У меня вопрос к сотрудникам органов государственной безопасности: во время обысков была ли найдена множительная техника?

В. ЧЕРКЕСОВ. Не только множительная техника, к которой можно отнести такие элементарные, с нашей точки зрения средства, как пишущие машинки или фотоувеличители, которые использовались для изготовления, размножения десятков, сотен экземпляров тех самых документов, о которых шла речь. Но и изъята весьма современная и необычная техника (я могу продемонстрировать продукт употребления подобного рода техники), которая позволяет сегодня нашим противникам не рисковать при засылке в СССР всякого рода антисоветской литературы, а действовать более скрытно и более результативно. При обыске у одного из лиц был изъят аппарат «Телефакс», позволяющий по телефону принимать от абонента, а в данном случае абонента иностранного, любую информацию, собственноручно говоря, факсимильное изображение любого издания или документа, который имеется у абонента. В данном случае речь идет о журнале «Посев» за ноябрь 1988 года.

— Дмитрий Михайлович, у меня к вам вопрос, опосредованно связанный с Демократическим союзом. Я знаю, что городская прокуратура располагала материалами, распространяемыми обществом «Память», в том числе — с использованием современной множительной техники, компьютеров. Однако городская прокуратура не усмотрела в этом составе преступления, предусмотренного статьями 70, 74, 190 Уголовного кодекса Российской Федерации. Кроме того, мне известно, что прокурор Абакумова отказалась выслушать свидетелей, которые готовы были дать показания по деятельности общества «Память». Чем это вызвано?

Д. ВЕРЕВКИН. Мне, во-первых, неизвестно, что прокурор Абакумова отказалась вообще выслушать какого-то свидетеля — об этом я слышу от вас впервые. Больше мне никто об этом еще до сих пор не говорил. Это, во-первых. Во-вторых, мы дали соответствующую информацию по «Памяти». О 70-й статье вообще речи не шло, потому что общество «Память» не призывало ни в какой форме к свержению существующего строя. В ее действиях ничего не было и по 74-й статье. По 190-й там

вообще ничего нет, насколько я припоминаю. Так что выдумывать я не могу и не собираюсь. А товарищи сами тут уже говорили, что факт наличия множительной техники — сам по себе не основание. Речь идет не о множительной технике, а о содержании документов, которые при этом размножаются.

— Можно ли понимать так, что в каком-то обозримом будущем люди будут осуждены Ленинградским судом по политическим статьям и будут у нас опять политические заключенные, хотя в Организации Объединенных Наций Михаил Сергеевич Горбачев сказал, что мы сделали все, чтобы у нас их не было, и что у нас их нет сейчас?

Д. ВЕРЕВКИН. Я вам отвечу. Нет, я не вижу здесь никакого противоречия. Во-первых, мы не утверждаем на сегодняшний момент, что раз у нас заведено дело, то оно будет направлено в суд. Все покажет будущее, ход следствия. А во-вторых, наша задача заключена в том, чтобы предотвратить современные преступления. В этом смысл нашей деятельности, откровенно говоря... Я думаю, журналисты нам в этом помогут, потому что мы не гонимся за процессами, нам они не нужны. Мы боремся за то, чтобы у нас господствовал закон и наш социалистический правопорядок. Я думаю, что в наших интересах заниматься профилактикой. Ну, и естественно, говорить о том, будут ли осуждены люди, которым не предъявлено обвинение, преждевременно. А во-вторых, вообще, товарищи, не надо обгонять время, надо посмотреть, что будет.

— Дмитрий Михайлович, меня лично вот что беспокоит: если бы мы посмотрели нынешний год от мая, предположим, и до настоящего дня по Ленинграду, то мы заметили бы, что есть тенденция к нарастанию все более жестких действий со стороны правоохранительных органов. Я видел, как около Казанского собора задерживали людей, которые пришли со свечами — как мне объяснили, в память о людях, погибших в лагерях. Я видел, с какой жестокостью там уводили людей. И все-таки там в общем-то обошлось без особых эксцессов. Но то, что произошло потом у переулка Крылова, эта мас-

совая потасовка, с участием сотен людей... И потом — слухи по всему Ленинграду о побоище, которое происходило на Садовой улице. И мы с вами говорим опять же, что не было у нас арестов, обысков с 84-го года. А все идет по нарастающей.

Д. ВЕРЕВКИН. Извините, я вам тоже свою точку зрения скажу. Я, например, сторонник того, чтобы люди, если они хотят высказаться, — высказывались. Я — за это. Но я уже говорил и еще раз повторяю, что, очевидно, устраивать сборища на Невском проспекте ни к чему. Вы меня извините, люди у нас есть разные. Я вообще сторонник того, скажем, чтобы Ленгорисполком, к примеру, в старом, в старинном городе, вообще запретил бы, если честно говорить...

— Это ваша личная точка зрения?

Д. ВЕРЕВКИН. Да, моя личная точка зрения. А как же, скажем, на Красной площади запрещено в Москве проведение чего бы то ни было. Это разумно. Это разумно.

— На Красной площади и весь центр Ленинграда — это все-таки разные вещи...

Д. ВЕРЕВКИН. Вы меня извините, а почему у нас нет святых мест в Ленинграде, какие есть святые места в Москве? Вот давайте так уж говорить: почему?

— Ну, Дворцовая площадь...

Д. ВЕРЕВКИН. Вот я вам и говорю, — если я еду на работу, я хочу, чтобы я нормально приезжал, если на то пошло. А если кто-то устроил по этому поводу митинг, устраивайте так, чтобы людям не мешать ехать на работу. Это уже моя личная точка зрения. Правильно? Ну, а что касается свечек и всего прочего... Понимаете, под этими свечками и под всем подтекст есть, верно? О котором многие и не знают. Если уж так говорить. Что же касается жесткости действий, то я должен сказать, что, насколько мне известно, по переулку Крылова — как, Инесса Васильевна, пострадали ведь только сотрудники милиции? Я хотел бы вам тоже задать вопрос. Вы знаете, не хочу перекидывать такое, не гонюся за положением дел, как в Закавказье, но почему — обратите внимание! — почему у

нас страдает работников милиции больше, чем граждан, как вы думаете? Почему? Вот вы говорите: жестокость работников милиции, так? Это не жестоко... вот так спрашивать, да? А кто у нас страдает больше — граждане или работники милиции?

— Я не знаю...

Д. ВЕРЕВКИН. А я вам отвечаю: у нас почему-то работники милиции страдают больше. Вот как это ни странно... Посмотрите взаимоотношения полиции за рубежом. На Запад посмотрите. Там, пожалуй, одно из самых страшных преступлений — оказать неповиновение полицейскому.

А вот мне задать вопрос можно? А то у нас как-то пресс-конференция идет односторонне. Вот, вы, товарищи, мне все сейчас подчеркивали, что вот с 84-го, с 87-го не было у нас... Скажите, пожалуйста, а как вы сами считаете, что у нас сейчас нет антисоветской деятельности? Абсолютно? Вот вы сами, как люди, как коммунисты, как граждане, вы считаете, что у нас все, что происходит, абсолютно все, — правильно? Или...

— Не может не быть...

— Она всегда была...

— Она поощряется пока что...

Д. ВЕРЕВКИН. Вот мы сейчас и хотим разобраться, отобрать зерна от плевел. Вы понимаете?

— Дмитрий Михайлович, можно еще несколько слов к вашему вопросу об антисоветской деятельности? Я вам только один маленький пример приведу. После того, как был разогнан несанкционированный митинг у Казанского собора, первый в этом году, 28 мая, я стал собирать материал. И пришла одна женщина, которая меня поразила своим рассказом. Она, оказывается, просто обыватель ленинградский, шла по улице мимо Казанского собора и остановилась... Она инженер. Очень благополучная семья. Муж у нее кандидат наук, доцент. Дочь в аспирантуре. Никаких претензий к советской власти нет. Потом я у нее спрашиваю: «Муж ваш член партии?» Она говорит: «Да». «А вы член партии?» Она говорит: «Да, уже два дня». Я говорю: «Так я вас поздравляю!» А она отвечает: «Только хочу предупредить: я член не той пар-

тин, в которой муж состоит. Я член партии ДС». Как так? «А я после того, как с ними там побывала, я ничего раньше о них не знала, а тут посмотрела, как они, бедняжки, за правду страдают, я и взяла их телефон и пошла к ним на собрание. После того, как я посидела, я тут же и написала заявление». Вот вам диалектика.

Д. ВЕРЕВКИН. Ну, диалектика тут... Я знаю по поводу этой дамы, которая вступила в два дня... и у которой листовки были. Она за два дня до вступления в эту партию обзавелась листовками. Как это произошло, я, конечно, не знаю, но... Вы меня поняли. Вы меня извините, товарищи журналисты, все-таки нельзя всему верить. Проверять надо.

— Простите, у меня к вам, как говорится, «вопросом на вопрос»: вы спросили, ведется или не ведется антисоветская деятельность...

Д. ВЕРЕВКИН. Нет, я не спросил, ведется или не ведется, я задал вопрос: ВАША точка зрения?

— Я могу эту точку зрения осветить со стороны экономической науки... Не так много лет прошло с тех пор, когда тезисы: самоуправление, самокупаемость, самофинансирование, социалистический рынок вместо директивного планирования рассматривались как антисоветские. Так?

И. КАТУКОВА. Не надо этого говорить...

— Нет, одну минуточку. Я говорю это со знанием дела. Я говорю о том, что подобного рода термины, которые попадались в экономических статьях, присылаемых в редакцию...

В. ЧЕРКЕСОВ. Вы путаете понятия. Правовые понятия и...

— Так вот я как раз и хотел спросить: можно ли в принципе — как вы считаете — ввести четкие юридические категории, которыми вы могли бы разделить те или иные позиции человека, политические позиции, определить — антисоветская деятельность или...

Д. ВЕРЕВКИН. Я вам отвечу. Я вам отвечу очень просто. Как вы считаете, — лица, которые хотят заменить социалистический строй капиталистическим строем — это экономическая категория или нет?

— Тогда у меня вопрос: что вы понимаете под социализмом, Дмитрий Михайлович? Вы ответьте. Потому что это настолько сегодня неопределенное понятие... Еще не так давно социализм — это было директивное планирование, затратные цены, дефицит, монополизм министров. Сегодня все это рассматривается как сталинщина. Тогда что вы понимаете под социализмом?

Д. ВЕРЕВКИН. Что я понимаю под социализмом?

— Какое это отношение имеет к сегодняшней пресс-конференции?

Д. ВЕРЕВКИН. Я понимаю, что хотят. Я понимаю, что собственность страны и средства производства должны находиться в наших руках... В руках народа.

— Так у нас уже 50 лет называлось «в руках народа», а правил класс, который просто эксплуатировал народ.

И. КАТУКОВА. До сих пор никто не знает и не дает определения, что такое социалистическая собственность.

— Мы не хотим, чтобы вы сейчас разобрались. Это очень тяжело. Но вы применяете термин в качестве обвинения против конкретных лиц.

Д. ВЕРЕВКИН. Я никого не обвиняю ни в чем!

— Вы дали санкцию на проведение обысков.

Д. ВЕРЕВКИН. Я, откровенно говоря, — да, не хочу, чтобы мы сейчас вернулись в 15—16-му году.

В. ЧЕРКЕСОВ. И в продолжение этого разговора. Вы говорили о том, что такое социализм, и в основном при этом предлагали ответить на вопрос о различных экономических положениях. Конечно, экономическая система социалистическая, которая сейчас является предметом изучения, споров, — сложный вопрос. Но есть еще и политическая система социализма. Так вот, когда мы говорим о каком-то конкретном выступлении, в данном случае — обсуждаем конкретное уголовное дело то, наверное, можно говорить и о том, что закон защищает не только экономическую, но и политическую систему государства. Если Конституция, Основной Закон нашей страны, говорит о том, что наш общественный строй сконструирован таким образом, что коммунистическая

партия является руководящим ядром этого строя, то естественно вопрос о том, чтобы коммунистическую партию отстранить от политической власти в стране, является вопросом, напрямую связанным с изменением этого самого существующего строя. Это защищается законом, потому что Конституция — она не только гарантирует права, но и требует выполнения своих статей. И в данном случае, если мы будем говорить, есть ли основания усматривать в том или ином призыве наличие состава антисоветской пропаганды, — это налицо.

Д. ВЕРЕВКИН. Совершенно правильно сказал Виктор Васильевич... Уважаемые товарищи, давайте так: мы сейчас с вами уже перешли к обсуждению вопроса, что такое социализм, что такое капитализм. Я понимаю, что это тема для дискуссии, очевидно, но все-таки уводит... Я понимаю, что идея ваша такова (тут уже прозвучало) — «как же вы будете судить, если вы не знаете, что это такое»? Правильно? Так мы для этого привлечем, не волнуемся, наших ученых и получим официальное заключение по этому поводу. Теперь это модно...

— Привлечете двух ученых — получите два заключения, а, может, даже три.

Д. ВЕРЕВКИН. Я не исключаю. Это вы используете старую поговорку про юристов. Это мне известно. Думаю, возможно, что и журналистов привлечем к этой экспертизе. Тогда мнений, может быть, будет пять.

— Я хотел уточнить — по какой статье возбуждено уголовное дело?

Д. ВЕРЕВКИН. По статье 70-й.

И. КАТУКОВА. Части первой.

— Вот в связи с этим один практический вопрос. Мы сейчас уже говорили о том, что само представление об антисоветской деятельности меняется со временем. Могут смоделировать такую классическую ситуацию: вот сейчас идет обсуждение новых основ Уголовного кодекса, законодательство наше будет меняться. И может так случиться, что в обозримом будущем статья 70-я в нынешней редакции исчезнет из Уголовного кодекса. Что тогда?

Д. ВЕРЕВКИН. Гадание к моей профессии не относится. Я уже неоднократно заявлял: уважаемые товарищи, скажите, пожалуйста, кто отменил закон? Закон может отменить только законодательный орган. Во всяком случае, я думаю, что государство должно себя защищать. Вы знаете, я вам вот еще что скажу: я с интересом смотрю политические дискуссии. У меня все-таки хорошая память, профессиональная. Мне кажется, что очень часто на этих дискуссиях мы видим одни и те же лица.

— Это естественно — слишком узок круг людей, способных...

Д. ВЕРЕВКИН. Вот и мне кажется, что, если бы этот круг расширился, — и за счет рабочих тоже...

— Совершенно согласен. Это колоссальная проблема: пассивность.

БАЛТИЙСКИЕ ВЕЯНЬЯ

Владимир МИКУШЕВИЧ

Литовский городок Нида знаком у нас и тому, кто никогда не бывал на Куршской косе. Треугольник двускатной крыши среди сосен, темнеющих над зеркалом Куршского залива, часто появляется на телеэкранах, когда программа «Время» передает прогноз погоды. И это не случайно: метеорологическая ситуация Прибалтики быстро распространяется на всю европейскую территорию России.

Куршская коса существует вопреки угрозе полного уничтожения: ее размывают волны, а ветры уносят песок. Поэтому здесь до сих пор жива память о человеке по имени Готлиб Давид Куверт. Примерно полтора столетия назад, как гласит трогательная латинская надпись на надгробии его сына, они начали засаживать лесами «грустные пустыни Ниды». На куршских надгробиях, искусно восстановленных талантливым художником Эдуардасом Ионушасом, прочтываются и немецкие готические письмена. Курши, древнее племя, родственное литовцам и латышам, были протестантами и восприняли немецкую культуру. О былом немецком присутствии на Куршской косе напоминает величественное здание кирхи, впечатляющее своеобразием синтезом готики и барокко. Теперь в здании размещается музей и происходят органные концерты. По соседству с кирхой бережно сохра-

няется летний домик Томаса Манна. Нельзя не вспомнить, что неподалеку отсюда в Калининграде похоронен великий философ Иммануил Кант, живший и творивший в древнем Кенигсберге. Но немецкое присутствие оставило на Куршской косе и куда менее привлекательные следы. На склоне дюны среди сосен еще виднеются развалины старого маяка, взорванного гитлеровцами при отступлении.

Соседство латинского, литовского и немецкого языков невольно наводит на лингвистические размышления. Насколько мне известно, до сих пор точно не установлено происхождение названия «Нида», но даже при недостаточной обоснованности подобной гипотезы хочется думать, что оно происходит от латинского *nidus* (гнездо). Действительно, жители города отличаются редкостным умением свить гнездо, в котором уютно им самим и гостям. Новый район Ниды — истинный шедевр современного зодчества. Ни один дом не похож на другой. Без всяких претензий на помпезную монументальность, восхищает изобретательная игра углов, объемов, очертаний. Перед нами не конгломерат стандартных квартир, а гармония отдельных домашних очагов в благоустроенном, комфортабельном добрососедстве.

Когда я приехал в Ниду, город буквально пламенел осенними цветами. Розы, георгины, сальвии нежно сияли в палеовой дымке, вечно окутывающей темные сосны. Мне предложили высту-

МИКУШЕВИЧ Владимир Борисович (род. в 1936 году) — поэт, переводчик; живет и работает в Москве.

себе отчета в том, что подобной операции подвергся и сам русский язык в результате орфографической реформы, проведенной вскоре после октябрьского переворота. В 1927 г. в статье «Безграмотность и ее причины» академик Л. В. Щерба писал чуть ли не в тех выражениях, что и Г. Гусейнов: «...реформа не сделала орфографию безусловно легкой, но зато в корне подорвала ее престиж... В результате и получилась та недооценка значения орфографии, которая, по моему глубокому убеждению, и является коренной причиной современной безграмотности». Орфографическая безграмотность повлекла за собой безграмотность лексическую, грамматическую и, наконец, интеллектуальную. Так возникло русское полуязычие, обусловленное даже не двуязычием, а исключительно «двомыслием», своего рода «новоречь», быстро приобретающая статус официального языка. Национальное полуязычие развивалось не на почве литературного русского языка, а на основе официального русского полуязычия, которое в свою очередь подвергается влиянию национального полуязычия через газетно-журнальные публикации, научные конференции, радио- и телепередачи.

Именно русское полуязычие сплошь и рядом преподается вместо русского языка как в национальных, так и в русских школах.

Впрочем, у меня вызывает серьезные сомнения и концепция «триязычия» (предложенная в том же номере Л. Ткаченко), при которой английский язык должен изучаться как мировой язык, русский — как государственный, а местный — как родной. Во-первых, кроме английского и русского международным сообществом признаются еще три мировых языка: французский, испанский и китайский. Преподаванию этих языков не может не уделять внимания полноценная средняя школа. Во-вторых, триязычие не оставляет места для латыни, которой во многих отношениях до сих пор представлена гуманистическая традиция западной культуры. Неслучайно остается латинской медицинская и юридическая терминология, блюдущая устои человечности. Наконец, настораживает принудительность триязычия, так как

полуязычие — это именно порождение принудительности.

Обязательное триязычие может сформировать модернизированный вариант полуязычия, особенно если учесть, что международное английское полуязычие уже существует и представляет ощутимую угрозу для европейских языков и самого английского. Я полагаю, что языки для своих детей должны выбирать сначала родители, которые, право же, больше пекутся об их благе, чем чиновники из министерства просвещения, а потом сами учащиеся. Тогда люди перестанут гордиться своим невежеством. Знание языка будет ощущаться как престижное преимущество, а незнание как постыдный социальный дефект, лишаящий к тому же многих возможностей в области образования и профессиональной карьеры. Честно говоря, я надеюсь, что тогда русский язык снова вызовет интерес как язык духовной жизни, а не как язык (или полуязычие) всеобщей администрации.

Прибалтийские республики в значительной степени сохранили полноразличие, отстояв свою орфографию и письменность, за что, например, литовскому народу пришлось упорно бороться. Митинг в Ниде продемонстрировал многие преимущества полноразличия. Возможность и способность свободно высказаться смягчала социально-психическое напряжение, создавало атмосферу взаимопонимания и сотрудничества, не оставляя места для эксцессов агрессивности. Станным образом именно это, оказывается, вызывает тревогу, недоумение у группы иноязычного населения, как пишет газета «Советская Литва» в номере от 3 сентября 1988 года (дата совпадает с датой митинга в Ниде). Газета опубликовала отчет о встрече своего коллектива с представителями инициативной группы литовского движения за перестройку. В общем разговор вращался вокруг проблемы так называемого национализма, и представители Движения в основном как бы оправдывались — на мой взгляд, как правило, напрасно, ибо сам термин «национализм» нуждается по меньшей мере в уточнении.

Официальное двуязычие время от времени выбрасывает на рынок массо-

вого сознания уничтожительные словечки-ярлыки, например, «поповщина», «стиляжничество», «абстрактный гуманизм». Эти ярлыки сами по себе ничего не значат, что позволяет навешивать их по произволу. В последнее время к таким ярлыкам присоединяется и ярлык «национализм». Между тем национальное движение становится националистическим не по своей внутренней направленности, а так сказать, по своей внешней ориентации, когда оно направлено не на свои интересы, а против интересов или представителей другой нации.

Национализм вырастает из мироощущения среднего человека. Выражение «средний человек» ввел русский мыслитель прошлого века Константин Леонтьев, по его словам, следуя Герцену. Средний человек — порождение унифицирующей цивилизации. Он индивидуален, а не личностен. Он совершенно стандартен и потому вне какой бы то ни было культуры. Представители разных культур испытывают, как правило, взаимный интерес. Они нуждаются друг в друге хотя бы для того, чтобы осознать свое собственное своеобразие. Разные культуры тяготеют друг к другу, отталкиваются друг от друга, но так или иначе всегда взаимодействуют. Средний человек не может предложить ничего интересного другому среднему человеку, до мелочей такому же, как он. На безразличие окружающих средний человек отвечает ненавистью. Ненависть не только разобщает, но и сплачивает. Средние люди объединяются для того, чтобы вымещать на других свою неполноценность. Для объединения годится любой случайный признак, но предпочтительнее цвет кожи или национальная принадлежность, фактически мнимая, так как она ничем не характеризуется, кроме полуязычия. Так национализм возникает, когда исчезает национальное.

Ирония истории заключается в том, что цивилизация, породившая среднего

человека, делает его лишним во всех отношениях, создавая механизмы, сводящие на нет функцию посредственности в трудовом процессе. Явно устаревает лозунг: «У нас нет незаменимых». С чисто производственной точки зрения человек становится интересен постольку, поскольку он умеет то, чего не умеют другие, или даже никто, кроме него, что в недалеком будущем, вероятно, превратится в правило. Бесспорное своеобразие прибалтийских республик усугубляется тем, что они осознают его, подавая пример другим. В ответ на вопрос, нет ли у литовского Движения в перспективе цели бороться за выход из Советского Союза, писатель В. Чепайтис сказал: «Сейчас весь мир идет к интеграции, а не к разделению». Предпосылкой такой интеграции является то, что регион может предложить другим регионам, а предлагать стоит лишь то, чего нет у других. Никто не думает возвращаться к натуральному хозяйству. Самостоятельность не означает самоизоляции. Чем больше будет самостоятельности, тем больше завяжется новых контактов, но они будут завязаны, а не навязаны. Митинг в Ниде начался и закончился пением литовских народных песен. А мы говорили с литовскими друзьями, что наше неофициальное, неформальное, но такое на-сущное общение и есть культурные контакты, какими они должны были бы быть. Самобытность — не столько своекорыстие, сколько самоотдача. Совесть — внутренняя форма самобытности. Лозунг в силу своей броской, доходчивой злободневности редко приближается к вечной истине, но на митинге в Вильнюсе появился лозунг, достойный стать заповедью Движения: **«Без совести нет свободы».**

Когда мы вылетали из Паланги, небо было безоблачным. Безоблачное небо встретило нас над Москвой. Погода Балтийского побережья распространилась на Среднерусскую возвышенность, и на улицах Москвы пахло морем.

Зубастый пацифизм

Ваш журнал открыто ставит главные вопросы миротворчества: ненасилие, совесть, духовность, демократия, гласность, честность и разум. Естественно, эти проблемы большей частью пока поднимаются в теоретическом ключе, хотя в их изложении просвечивается искренность авторов в освещении общечеловеческих ценностей, которые и должны стать основой любого миротворческого движения.

Не могли бы вы помещать в журнале компактные материалы, раскрывающие то или иное движение мира, не боясь слова «пацифизм»? Было бы целесообразно коснуться и исторических аспектов этой проблемы. «Накопление потенциала сил мира» имеет давнюю драматическую историю. Между тем, современная историческая литература все еще в

основном посвящена войнам, прославлению великих полководцев. А сильнейшие мыслители и лидеры антивоенных движений прошлого, да и настоящего, находятся в тени. Народ их если и знает, то только как «абстрактных гуманистов» или «беззубых пацифистов»,— эти негативные стереотипы сохранились еще со сталинских времен.

Институт всеобщей истории АН СССР приступил к подготовке ряда трудов по общей проблеме «Идеи мира в истории». По-видимому, мы будем работать над такими проблемами: «История и теория пацифизма», «Антология мира. Идеи мира в истории. Документы и комментарии» и ряд других.

Р. ИЛЮХИНА,
доктор исторических наук,
г. Москва.

Защита одного

Предлагаю открыть в журнале раздел, где можно было бы формировать общественное мнение по защите **отдельного**, конкретного человека, его интересов, прав и достоинства.

Ведь борьба за мир, это не только борьба за выживание человечества, это борьба за раскрытие сущности каждого человека, создание наилучших возможностей для этого. Иногда создается впечатление, что нас всех посадили в поезд, не очень уютный, грязный, и сказали: «Потерпите, главное — едем! Доедем до станции, всем станет лучше». И вот на очередной станции выясняется, что возникли сложности, машинист был нечестен, стрелочник невнимателен, пассажиры проспали... «Соберитесь, активизируйтесь! — опять говорят нам, — накажем стрелочника,

подучим машиниста, в конце концов сами смотрите, куда вас везут. За следующей станцией будет легче. Но поезд-то не меняется. Символ общего блага не дает никому решать, на тот ли поезд он сел, можно ли его прибрать, сделать комфортным, замедлить движение или, наоборот, ускорить его. Формируется психология маленького человека, беззащитного в мире массовых ценностей.

Поэтому нужна гуманитарная наука о защите индивида, **одного** из пяти миллиардной человеческой семьи. Формирование уважения к отдельному человеку должно способствовать росту культуры межчеловеческого общения и определению высшей цели земной цивилизации.

Б. БАСОВ,
г. Ижевск.

ЗЛО

Смертная казнь и русская интеллигенция

Арсений БОРИСОВ

Среди множества тем, поднятых временем гласности, — политические реформы, охрана памятников старины, экскурсии в запретные прежде области отечественной истории — проблема смертной казни, убежден, важнейшая для нашего морального выздоровления. Мы не имеем права забывать: пока мы с вами обедаем или спим, кто-то по приговору избранных нами судей ожидает в камере смертников часа, когда его

обдуманно и сознательно умертвят. И кто-то, получающий как и мы зарплату от государства, приводит приговор в исполнение. Общество, которое принимает такое положение и мирится с ним без борьбы, — нравственно неполноценно.

Сегодня молчание в этом вопросе нарушено. Пресса извещает нас, что все больше правительств в мире, не исключая и социалистических стран Во-

К РУССКОМУ ОБЩЕСТВУ

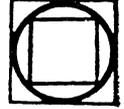
Не с политическим манифестом или партийным воззванием обращаемся мы к русскому обществу. Мы говорим во имя человеческого, только человеческого.

Мы обращаемся ко всем русским гражданам и гражданкам без различия вероисповедания, общественного положения, степеней образования, политических убеждений — обращаемся с призывом направить все свои нравственные силы и влияние на борьбу против ужаса наших дней — смертной казни...

Великие учителя человечества, философы и моралисты огненными и вдох-

новенными словами заклеили это страшное «право» на убийство человека человеком, совершаемое якобы во имя общественного блага и под кровом закона. Что мы можем сказать теперь большего и более сильного, чем то, что было уже сказано против смертной казни только у нас в России нашими же соотечественниками — святителями русской Церкви, как митрополит Филипп, общественными деятелями, как доктор Гааз, философами, как Владимир Соловьев, и целой плеядой славных и великих писателей земли русской во главе с Достоевским и Львом Толстым?!

...Смертная казнь — это самое вер-

сточной Европы, отменяют у себя смертную казнь. Мы узнали, что авторитетные юристы и социологи не установили какого бы то ни было положительного воздействия смертной казни на статистику преступности, — напротив...

Обидно. Обидно за нашу безграмотность, наше невежество: ведь, все это уже говорилось в нашей стране, все это уже было у нас, в России, в начале этого века, когда вся печать была переполнена материалами по поводу смертной казни.

Увы, нить, которая связывала бы нас с дореволюционной русской интеллигенцией, разорвана, и мы начинаем все сначала. Снова ученые мужи и публицисты взвешивают аргументы за и против, снова проводятся исследования... А нужны ли они? Справедливость едина во все эпохи. И доводы — те же.

«По какой же это логике повторение зла есть добро? Разве убийство возмутительно тем, что убит хороший человек? Он был, может быть, негодяем. Но возмутительно само действие воли,

преступающей нравственный предел, возмутителен человек, говорящий другому: ты для меня ничто, я не признаю за тобой никакого значения, никакого права, даже права на существование, и доказывающий это на деле.

Но ведь именно так и поступает общество относительно преступника, и притом без всяких смягчающих обстоятельств, без страсти, без порочных инстинктов, без душевного расстройств. Виновна, но заслуживает снисхождения фанатическая толпа, которая под влиянием безотчетного негодования убивает преступника; но общество, которое делает это медленно, хладнокровно, отчетливо, не имеет извинения».

Разве устарели сегодня эти слова замечательного русского философа Владимира Соловьева?!

До начала XX века о необходимости отмены смертной казни говорили единицы. Но в 1905—1910 гг., когда в стране воцарилась, по словам писателя Короленко, «военно-расстрельная юстиция» и в печати, которая вела себя чрезвычайно независимо, регулир-

ДОКУМЕНТ

ное и испытанное средство извращения нравственного чувства человека, надежный способ разрушения общественной морали и путь к одичанию страны. Нельзя безнаказанно изо дня в день на глазах у толпы понижать ценность человеческой жизни!

Человек — существо внушаемое.

Еще больше поддается внушению общество.

Кровь льется на эшафоте будто бы ради печальной необходимости данного исторического момента... но она брызжет далеко за пределы его, пятная будущее России и отравляя жизнь грядущих поколений.

Подумайте о ваших детях!

Даже самым непримиримым противникам революции, оправдывающим все средства борьбы с нею, казалось,

должно бы быть ясно, что нелепо и преступно приносить в жертву обманчивому успеху сегодняшней репрессии — завтрашнее благополучие отечества, надежды страны на лучшее будущее и то абсолютное моральное благо, которое не принадлежит ни реакции, ни революции, и которое именуется уважением к личности человека и признанием безусловной и безотносительной ценности человеческой жизни.

Общество должно напомнить власти, что ее первая и главная обязанность — сохранить и пронести хотя бы через самые бурные и тревожные политические переживания те культурные ценности, которые не ей принадлежат, а всей стране, и составляют историческое наследие последней. Этого достоинства правительство не вправе расточать, и оно не должно ни для каких целей и ни по какому поводу понижать куль-

но публиковались известия о приговорах и казнях, протест общества приобрел массовый характер. И направлен был этот протест в первую очередь не против политических мотивировок приговоров, а против самого института казни. Наиболее активны по роду своей деятельности были врачи и юристы:

«Признавая актом величайшего позора для человечества смертную казнь, II-ой съезд отечественных психиатров выражает свое негодование и протест против применения ее в России. Правление Пироговского общества врачей берет на себя смелость от всех русских врачей горячо протестовать против смертной казни, косвенными исполнителями которой являются и врачи, обязанные на ней присутствовать».

В 1910 году медики-выпускники Томского университета постановили **отказаться присутствовать** при выполнении смертных приговоров. Их поддержали коллеги в некоторых других городах. Не стоит ли и нашим советским медикам подхватить эту традицию?...

Наступил момент, когда общество поверило: смертная казнь вот-вот будет отменена. В феврале 1906 года перед выборами в I Государственную думу, московская газета «Русские

ведомости» начала регулярную публикацию протестов. Одним из первых откликнулся Владимир Вернадский. В статье того времени он не устал повторять: **«Человеческая личность представляет самое драгоценное и неотъемлемое, что может быть найдено в мире. Она тесно связана с человеческим сознанием — все лучшее и дорогое сосредоточено в ней. Никто не может и не должен посягать на ее существование. Ужасно, и не может быть оправдано никакими практическими соображениями отдельное убийство, не имеет оправдания террор, но еще ужаснее, когда формы государственной жизни легализуют убийство одним человеком другого человека».**

Академик Вернадский никогда не жалел времени на борьбу против смертной казни. Хотелось бы услышать голос советских академиков.

Письма и телеграммы протеста слали правительству и в органы печати десятки гимназий, почти все тогдашние университеты, городские думы, студенты духовных академий, земские организации и частные лица. Только в один «Русские ведомости» ко дню открытия Думы прислали свои протесты 23 854 человека. Требование отме-

турный уровень народа и развращать его. Правительство должно памятовать также, что, идя этой кровавой стезей, на которую оно ныне ступило, оно в корне разрушает самое существо государственной власти, ибо разрушает те основные принципы права и справедливости, на которые должна опираться всякая власть.

В сознании великой ответственности перед потомством и родиной, с глубоким и совершенным убеждением в святой правоте нашего дела, мы обращаемся ко всем без исключения соотечественникам нашим с призывом исполнить своей гражданский долг, **долг человека.**

Во имя той веры, которую вы исповедуете и которая запрещает убийство, во имя разума и вашей личной со-

вести...—во имя любви к общему нашему отечеству, которое быстрыми шагами идет к нравственному запустению,—протестуйте против смертной казни!

В вашем семейном, дружеском и деловом кругу, в тех обществах, где вы работаете, с церковных амвонов, с учительской кафедры, в печати,—словом, всеми доступными вам средствами, протестуйте против смертной казни!

Мы верим, что в стране имеется достаточно элементов для великого общерусского протеста против казней, нужно только дать выход на свет Божий задавленному живому чувству человечности. Только что миновал день, когда весь мир принял участие в чествовании великого русского писателя и гуманиста Льва Толстого. Мы полагаем, что лучшим способом ознаменования

нить смертную казнь содержалось и в наказах многим депутатам. Вот голос крестьян Самарской губернии:

«Мы, крестьяне, пришли к заключению, что нам необходимо отменить смертную казнь. Убить человека можно, а воскресить его не воскресить никакими сказочными водами. Много, много людей погибает безвинно-напрасно, и никого не возвратишь».

(Интересно для оценки нашей нравственной эволюции: так ли и сегодня думают колхозники этих мест?) Мнение подтверждали и специалисты, с цифрами в руках говорившие о неэффективности устраниения, напоминая о народном презрении к палачу и сочувствии к осужденному, выводившие несоответствие смертной казни русскому народному правосознанию. «Единственный смысл в том, что смертная казнь дает возможность навсегда избавиться от вредного для общества человека. Но какой это нищенски убогий смысл для нашего времени», — подытожил свое фундаментальное исследование «История смертной казни в России» (М., 1912) приват-доцент Московского университета С. И. Викторский.

В итоге, единственный законопроект, не вызвавший споров в I-ой Думе

(принят единогласно), — об отмене смертной казни. Во всех случаях, когда законодательством предусматривалась смертная казнь, она заменялась следующим по тяжести наказанием. Однако Дума за явной оппозиционностью вскоре была закрыта, а законопроект — похоронен.

Интеллигенция не сдавалась. Один из примеров этого — попытка создать в 1908—1909 гг. Лигу борьбы со смертной казнью имени Льва Толстого. Инициаторы Лиги выпустили литографированное обращение «К русскому обществу», текст которого читатель найдет в этом номере. Обращение подписало несколько сот русских интеллигентов. Среди них писатели Короленко, Куприн, Вересаев, Мережковский, актеры Собинов, Комиссаржевская, Книппер-Чехова, знаменитые ученые, композиторы, публицисты и политические деятели. Но создать Лигу власти не разрешили. Правительство отказалось выслушать голос независимой интеллигенции. Впервые в XX веке смертная казнь в России была отменена уже после свержения монархии, в марте 1917 года. После Октября 1917 года она отменялась на короткие сроки еще трижды, и окончательно

ДОКУМЕНТ

этого исторического дня было бы создание Всероссийской лиги борьбы против смертной казни имени Л. Н. Толстого, к участию в которой мы и приглашаем как отдельных лиц, так и целые общественные организации...

Наступил час, когда мы должны исполнить священнейший долг наш —

оказать самую деятельную поддержку тем представителям народа в Государственной Думе, которые поставили себе задачей покончить навсегда с этим кровавым пережитком давно минувших времен.

Среди подписавших:

В. И. ВЕРНАДСКИЙ и его ближайшие друзья — **Д. И. ШАХОВСКОЙ**, **И. М. ГРЕВС**, **С. Ф. ОЛЬДЕНБУРГ**, **А. С. ЗАРУДНЫЙ**; **В. ВЕРЕСАЕВ**, **З. ГИППИУС**, **В. Г. КОРОЛЕНКО**, **А. КУПРИН**, **Д. МЕРЕЖКОВСКИЙ**, **А. ГЛАЗУНОВ**, **С. ТАНЕЕВ**, **И. Е. РЕПИН**, **В. МАТЭ**, **В. КАЧАЛОВ**, **В. КОМИССАРЖЕВСКАЯ**, **А. П. ЛЕНСКИЙ**, **Вл. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО**, **Л. В. СОБИНОВ**, **О. ЧЕХОВА-КНИППЕР**, **Д. К. ЗАБОЛОТНЫЙ**, **И. А. КАБЛУКОВ**, **Н. И. КАРЕЕВ**, **Н. К. КОЛЬЦОВ**, **Ф. ЛЕВИНСОН-ЛЕССИНГ**, **Г. А. НАДСОН**, **Е. ТАРЛЕ**, **А. ФАМИНЦЫН**, **Е. ФЕДОРОВ**, **Н. БЕРДЯЕВ**, **Е. Н. ТРУБЕЦКОЙ**, **Г. В. ПЛЕХАНОВ**, **К. К. АРСЕНЬЕВ**, **С. ВЕНГЕРОВ...**

введенная Сталиным 12 января 1950 года, действует по сей день. И по сей день у смертной казни есть защитники. Были они и в начале века:

«Союз русского народа в городе Рузе умоляет тебя, Государь, о сохранении смертной казни, неприменение которой, а также применение амнистии поведут, по крайнему нашему разумению, к ожесточению и самосуду над крамольниками... Что тут возразишь? Да и сегодня меньшинство добивается отмены смертной казни, этого государственного института номер один, смрадной норы, откуда всегда вползло в нашу жизнь рабство — после того, как эта гадина казалась уже навсегда раздавленной. Но убедительно ли тут ссылаться на «большинство»? Что ж, большинство народа, возможно, за сохранение смертной казни. Но тогда интеллигенция имеет право и долг говорить этому большинству, что она считает его мнение варварским, а правительство, если оно хочет быть причисленным к интеллигенции, не должно прибегать к аргументации, подобной мольбам из Рузы.

В борьбе со сторонниками смертной казни русская интеллигенция накопила огромный, сегодня забытый опыт. Он

должен стать нашим опытом. Его надо использовать. Что мы можем сделать сегодня?

Прежде всего, собрать в книгу и переиздать статьи против смертной казни — выступления Льва Толстого, Владимира Соловьева, Петра Кропоткина, Василия Розанова и многих других мыслителей, юристов, ученых. Печать обязана публиковать на своих страницах мнения защитников и противников смертной казни, вести учет этих мнений и сообщать имена и цифры читателям. Более того, печать обязана добиваться информации о совершаемых сегодня в стране смертных казнях и публиковать полную информацию о казненных, о причинах, по которым они казнены, и обстоятельствах самого акта казни. Раз есть люди, которые не стесняются быть сторонниками «законного» убийства людей, то пускай эти люди имеют смелость знать, что и каким образом совершается от их имени. Сделав обсуждение проблемы смертной казни открытым и всенародным, мы продолжим борьбу против этого гнусного института, начатую русской культурой больше века назад. Наши совместные усилия да не пропадут даром!

**БЮЛЛЕТЕНЬ
ИЗДАЕТСЯ СОВЕТСКИМ КОМИТЕТОМ
ЗАЩИТЫ МИРА
ПРИ СОДЕЙСТВИИ
СОВЕТСКОГО ФОНДА МИРА**

Основан в 1958 году
Выходит ежемесячно на русском, английском,
французском, испанском и немецком языках

Цена 10 коп.

Главный редактор
А. БЕЛЯЕВ

■ ВЕК XX И МИР ■

■ XX CENTURY AND PEACE ■

■ LE XXE SIECLE ET LA PAIX ■

ВЕК XX И МИР

Адрес редакции:
103009, Москва,
ул. Горького, 16/2,
тел. 200-38-07

Индекс 70188

